

САНКТ–ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет
Кафедра классической филологии

Кондакова Дарья Дмитриевна

АНТИЧНАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В ЭПИГРАММАХ ПАЛЛАДА

Выпускная квалификационная работа
бакалавра филологии

Научный руководитель: к. филол. н., доц. В. В. Зельченко

Рецензент: к. филол. н., доц. Е. Л. Ермолаева

К защите допускаю

Санкт–Петербург

2016

Содержание

Введение.	3
Глава 1. Грамматика, грамматики и Паллад	9
Глава 2. Элементы γραμματικῆ τέχνη	25
Глава 3. Гомеровский материал	49
Заключение	64
Список использованной литературы	65

Введение.

Доступные ученым сведения о поэте и грамматике Палладе Александрийском ограничиваются тем, что можно почерпнуть из его эпиграмм, дошедших в составе Палатинской Антологии (по большей части это эпиграммы из книг IX–XI). В леммах Паллад не раз называется Ἀλεξανδρεὺς и единожды Αἰγύπτιος; данные эпиграмм не противоречат предположению, что он преподавал в Александрии. Что касается времени его жизни, этот вопрос дважды за последнее пятидесятилетие становился объектом дебатов. Долгое время исследователи датировали Паллада концом IV — первой половиной V в. н. э., ориентируясь на данные лемм и сами тексты.¹ Однако в 1960 г. С. М. Боура, доказав недостоверность предыдущих выкладок и предложил новую датировку, объединив уже известную гипотезу о том, что в эпиграммах IX, 175, X, 90 и X, 91 содержится намёк на Теофила, патриарха Александрии в 385–412 гг., с данными эпиграммы X, 97, иносказательно указывающей на возраст Паллада в момент написания (72 года).² Основываясь на этом, Боура предлагает даты са. 316 — са. 400 г.; этой датировки будем придерживаться и мы.

Новый толчок к исследованию Паллада, и в том числе его хронологии, дала выполненная К. Вилкинсоном в 2012 г. *editio princeps* папирусного кодекса P.Ct.BR inv. 4000, который содержит собрание эпидейктических и скоптических эпиграмм.³ Ввиду отсутствия в кодексе каких бы то ни было упоминаний об авторстве отдельных стихотворений Вилкинсон считает, что все они принадлежат одному поэту — Палладу (две из эпиграмм кодекса уже были известны; это IX, 379, в некоторых рукописях приписываемая Палладу, и

¹ Franke A. De Pallada epigrammatographo. Lipsiae, 1899. P. 38–39; Stella L. A. Cinque poeti dell'Antologia Palatina. Bologna, 1949. P. 379–383; Peek W. Palladas // RE. Bd 18, 3 (1949). Sp. 159–160.

² Bowra C. M. Palladas and Christianity // Proceedings of the British Academy. 1959. Vol. 45. P. 255–267.

³ Wilkinson K. New Epigrams of Palladas: A Fragmentary Papyrus Codex (P.CtYBR inv. 4000). Durham, 2012 (American Studies in Papyrology. 2012. Vol. 52).

ἀδέσπτοτον IX, 127, находящаяся между палладовскими в трёх малых сборниках византийского времени).⁴ Предположительная датировка кодекса (между 280 и 340 гг.) плохо соотносится с хронологией Боуры, и Вилкинсон пытается показать, что Паллад жил ещё раньше, а именно в 260–340 гг. н. э.⁵ Этот тезис, равно как и атрибуция Палладу всех стихотворений, дошедших на папирусе, вызывает споры (см. контраргументы Л. Бенелли⁶, а также рецензии Л. Флориди в *CJ-Online*⁷ и Р. Аста в *BMCR*⁸), однако ценность издания Вилкинсона как точки, от которой можно развивать плодотворные дискуссии, едва ли подлежит сомнению. Что касается датировки, то А. Кэмерон в недавней статье предложил компромиссное решение: радикальные стилистические и содержательные отличия текстов папируса от «канонического» Паллада наводят на мысль, что перед нами сборник его ранних эпиграмм.⁹ Иное предположение выдвинула Дж. Веццоци: по её мнению, Паллад жил в 340–412 гг. н. э.¹⁰

ССЫЛКА! Дебаты продолжаются.

Художественный характер источника — трудно определить, что в «автобиографических» признаниях Паллада отражает реальность, а что является частью тщательно поддерживаемого им образа — по большей части не позволяют говорить о жизненных обстоятельствах поэта с уверенностью. Единственный неоспоримый факт — это профессия грамматика, которую

⁴ *Ibid.* P. 42.

⁵ *Ibid.* P. 54–56. Готовящая почву для более ранней датировки статья была опубликована Вилкинсоном ещё в 2009 г.: *Wilkinson K. Palladas and the Age of Constantine // The Journal of Roman Studies. 2009. Vol. 99. P. P. 36–60*; обзор дискуссии о времени жизни Паллада см. на стр. 36–42.

⁶ *Benelli L. Osservazioni sul P. Ct. YBR Inv. 4000 e sulla sua attribuzione a Pallada di Alessandria // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2013. Bd 193. S. 53–63.*

⁷ <https://cj.camws.org/sites/default/files/reviews/2014.04.07%20Floridi%20on%20Wilkinson.pdf>

⁸ <http://bmcr.brynmawr.edu/2014/2014-02-23.html>

⁹ *Cameron A. Palladas: New Poems, New Date? // Idem. Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy. Oxford, 2016. P. 91–112.*

¹⁰ *Vezzosi 11–39, spec. 28 sgg.*

Паллад неоднократно упоминает. Будучи грамматиком, Паллад подходил к школьным текстам не просто как образованный человек, но как учёный и преподаватель. На наш взгляд, большая часть комментаторов не уделяет должного внимания именно «грамматической» стороне эпиграмм Паллада, между тем как именно в ней заключена соль многих палладовских шуток. В недавней статье Л. А. Гишар приоткрыл достоинства такого подхода.¹¹ Проанализировать те эпиграммы Паллада, которые имеют отношение к античной грамматической традиции, в её свете, обсудить спорные вопросы интерпретации и попытаться выявить дополнительные уровни толкования, незамеченные или недостаточно акцентированные предыдущими исследователями – таковы главные цели нашей работы.

Объём имеющегося материала велик: даже если исключить все случаи спорной атрибуции, это более ста эпиграмм.¹² Материал для нашей работы отбирался по трем критериям: (1) в эпиграмме прямо или косвенно говорится о грамматике и / или грамматиках; (2) эпиграмма содержит прямые или косвенные намеки на грамматическую (в современном, узко-лингвистическом смысле) традицию; (3) в эпиграмме обыгрывается гомеровский материал. Отобранные стихотворения были соответственно распределены по трём главам нашей работы. Оговоримся, что это разделение во многом условно и не претендует на звание классификации, так как некоторые из разбираемых эпиграмм, безусловно, могут быть отнесены к нескольким группам

¹¹ *Guichard L. A. From School to Desacralization, or How Palladas Read Homer // Traditions épiques et poésie épigrammatique: présence des épopées archaïques dans les épigrammes grecques et latines / Ed. par. Y. Durbec, D. Pralon et F. Trajber. Louvain, 2016 (Hellenistica Groningana 22). К настоящему моменту сборник находится в печати; статья Гишара здесь и далее цитируется по тексту, размещенному им на сайте academia.edu: <https://us1.academia.edu/LuisArturoGuichard> . К сожалению, эта «рабочая» версия не имеет пагинации; поэтому в ссылках на нее не будет номеров страниц.*

¹² Проблемы атрибуции многократно усиливаются из-за «формульности» эпиграмматического жанра, который постоянно использует устойчивые сочетания и выражения. Подлинность эпиграмм, которые мы рассматриваем в данной работе, по большей части не вызывает сомнения; спорные случаи оговариваются далее особо.

одновременно; в таких случаях решение принималось в пользу той группы, характерные черты которой были, на наш взгляд, выражены более ярко.

Таким образом, первая глава посвящена образу поэта-грамматика, который создаёт Паллад в своих эпиграммах, и помещает этот образ в контекст позднеантичной школы. Во второй главе рассматриваются эпиграммы, имеющие отношение к лингвистической стороне искусства грамматика: мы постараемся показать, что ядром шутки в них становится тонко обыгранная филологическая терминология. Третья глава объединяет эпиграммы Паллада, имеющие дело с Гомером, школьным текстом *par excellence*.¹³ Необходимо отметить, что не всякое использование цитаты или слова, имеющего яркую эпическую окраску,¹⁴ делает эпиграмму «гомеровской» — мы старались выделить те эпиграммы, где за гомеровской реминисценцией скрывается дополнительная возможность понимания, основанная на отсылке к конкретному пассажи, вариантам его интерпретации в древности до Паллада (как, например, аллегорические объяснения), глоссам и другим элементам комментаторской традиции.

Интерпретации тех или иных эпиграмм Паллада по большей части сосредоточены в комментариях к полным изданиям Палатинской антологии — от Фридриха Якобса до Германа Бекби. Монографий, специально посвящённых нашему автору, не так много. В первую очередь это диссертации Августа Альфреда Франке (1899) и Вольфганга Цервеса (1956). Особенностью последней работы является своего рода *Zwischenapparat*, который содержит богатый набор параллелей на употребление отдельных слов и выражений у самого Паллада и других авторов, в особенности Гомера. В то же время частные интерпретации Цервеса сплошь и рядом исходят из представления, что едва ли

¹³ Безусловно, связь эпиграмм Паллада со школьной традицией не ограничивается Гомером, однако в настоящей работе мы ограничились рассмотрением этого пласта в его творчестве, т. к. это — наиболее показательный пример разностороннего подхода Паллада к школьным текстам.

¹⁴ Эта особенность, естественная для языка эпиграммы в целом, чрезвычайно часто отражается у Паллада; см. табл. Дж. Веццоли, содержащую все пересечения текста Паллада с гомеровскими поэмами: *Vezzosi* 49.

не всякое стихотворение отражает подлинные факты биографии Паллада. Складывающийся в итоге облик поэта привлекателен, однако такой взгляд сплошь и рядом обедняет смысл эпиграмм.

Более сорока лет спустя, в 1998 г., вышел полный голландский перевод эпиграмм Паллада, выполненный Аллардом Шрёдером и изданный в сопровождении греческого текста. Стоит особенно отметить собранные Шрёдером в комментарии стихотворные переводы эпиграмм на другие языки – причём не только известную латинскую версию Антологии Гуго Гроция, но и множество более редких. Наконец, гномическим и философским эпиграммам, которые составляют немалую долю в творчестве Паллада, посвящена недавняя диссертация Джиневры Веццоци (2011–2014 гг.). Кроме самого комментария, особую ценность здесь представляют обзор и классификация литературных реминисценций: к примеру, Веццоци приводит список параллелей между Палладом и Григорием Богословом. Над полным научным комментарием к Палладу работает Луис Артуро Гишар, однако этот труд (выход которого, по словам автора, намечался на 2014 г.) пока не закончен. Из работ на русском языке следует упомянуть стихотворный перевод Паллада, выполненный Ю. Ф. Шульцем¹⁵ и снабженный введением и краткими примечаниями — как правило, в них приводятся сведения из лемм и поясняется непереводимая игра слов.

Ссылки на наиболее важные для нас издания эпиграмм Палатинской антологии, а также на часто используемые работы, посвященные, сокращаются следующим образом (римская цифра обозначает том, арабская – страницу):

Beckby – *Anthologia Graeca / Griechisch-deutsch* ed. H. Beckby. Bd 1–4. München, 1966².

Coll. Budé – *Anthologie grecque. Première partie: Anthologie Palatine*. T. 3 (Livre VI) / *Texte ét. et trad. par P. Waltz*. Paris, 1960²; T. 7 (Livre IX, épigr. 1–358) /

¹⁵ *Паллад Александрийский. Эпиграммы / Вступл., пер. и комм. Ю. Ф. Шульца // Византийский временник*. 1964. Т. 24. С. 259–289.

Texte ét. par P. Waltz, trad. par G. Soury. Paris, 1957; T. 8 (Livre IX, épigr. 359–827) / Texte ét. et trad. par P. Waltz et G. Soury. Paris, 1974; T. 9 (Livre X) / Texte ét. par J. Irigoin, F. Maltomini, trad. prés., et annoté par P. Laurens. Paris, 2011; T. 10 (Livre XI) / Texte ét. et trad. par R. Aubreton. Paris, 1972.

Dübner – Epigrammatum Anthologia Palatina cum Planudeis <...> / Annotatione <...> instruxit Fr. Dübner. Vol. 1–3. Parisiis, 1864–1872.

Franke – *Franke A.* De Pallada epigrammatographo: Diss. Lipsiae, 1899.

Jacobs – *F. Jacobs.* Animadversiones in epigrammata Anthologiae Graecae. T. 1/1–3/3. Lipsiae, 1798–1814 (= Anthologia Graeca, sive poematum Graecorum lusus / Ex rec. [R. F.] Brunckii. T. 6–13).

Paton – The Greek Anthology / With an English transl. by W. R. Paton. Vol. 1–5. London; New York, 1916–1918.

Schröder – *Palladas.* Epigrammen: Grieks-Nederlands / Vertaald en van aantekeningen voorzien door A. Schröder. Groningen, 1998.

Stadtmüller – Anthologia Graeca epigrammatum Palatina cum Planudea / Ed. H. Stadtmueller. Vol. 1–3. Lipsiae, 1894–1906.

Vezzosi – *Vezzosi G.* Gli epigrammi gnomici e filosofici di Pallada di Alessandria: Tesi di dottorato. Salerno; Salamanca, 2011–2014.

Zerwes – *Zerwes W.* Palladas von Alexandrien: Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Epigrammdichtung: Diss. Tübingen, 1956.

Глава 1. Грамматика, грамматик и Паллад

Начиная говорить о Палладе как грамматике, необходимо определить несколько основных понятий. Кто такой грамматик? Чему именно он учил? С какими текстами имел дело?

При всей вариативности школьного образования в каждом конкретном городе и в каждое конкретное время, мы можем с большой достоверностью принимать как данность, что школа грамматика относилась ко второму из трёх уровней *études des lettres*, на котором могли заниматься ученики, уже освоившие чтение и письмо.¹⁶ В отличие от грамматиста (ὁ γραμματιστής), учителя начального этапа, грамматик (ὁ γραμματικός) занимался со своими подопечными уже не правописанием и арифметикой, а чтением и литературным комментированием школьных текстов. Этот анализ включал такие аспекты, как просодия, стилистика, этимология, фразеология и литературная критика (Дионисий Фракийский: *Grammatici Graeci* 1.1, p. 5, 1–5). Основываясь на папирусных находках со школьными упражнениями и антологиями, количестве цитат у авторов и других источников, исследователи обрисовывают «канон» школьных текстов.¹⁷ На первом месте, безусловно, находится Гомер (включая гомеровские гимны и *Certamen Homeri et Hesiodi*), затем следуют Еврипид и Менандр, который, как и некоторые другие авторы — например, Феогнид, — был особенно любим за гномические высказывания. Из прозаиков читался в первую очередь Исократ, и тоже в той степени, в какой его речи могли быть источником гномического материала. Более половины дошедших упражнений — это отрывки из трёх «Кипрских речей», дошло также несколько копий, содержащих краткие содержания речей и сами их тексты с лексикологическими и

¹⁶ Marrou H.-I. Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. Paris, 1965⁶. P. 244.

¹⁷ Наглядные таблицы, иллюстрирующие содержание литературного образования на основании данных дошедших до нас школьных текстов, содержатся в книге: Morgan T. Literate Education in the Hellenistic and Roman Worlds. Cambridge 1998. P. 288–322, особ. табл. 11–12 (распределение отрывков из Илиады и Одиссеи по песням), 15 (количество упоминаний наиболее популярных авторов), 17 (содержание известных нам школьных антологий).

другими пометками, ясно указывающими на их использование в школе грамматика.¹⁸ Преподавание на таком, уже достаточно высоком, уровне требовало от грамматика досконального знания текстов и связанной с ними комментаторской традиции, а также законов слово- и формообразования и стилистики, то есть, говоря современным языком, он должен был обладать инструментарием профессионала-филолога.

Говоря о месте грамматика в позднеантичном обществе, Р. А. Кастер помещает его среди учёной элиты, хотя и на менее почётное место, чем ритора. Грамматик, говорит он, «выделяется из толпы благодаря своим знаниям, принадлежит к *Kulturwelt* и разделяет его великолепие».¹⁹ Грамматика, к тому же, необходима для того, чтобы заниматься риторикой, которая ведёт ученика к вершинам ораторского мастерства и помогает добиться значительных успехов на карьерной лестнице.²⁰ Однако важная миссия грамматика не уберегает его от насмешек, которые сопровождают эту профессию (справедливости ради стоит сказать, что и риторы подвергались насмешкам не в меньшей, а, возможно, и в большей мере, так как не только преподавали, но и выступали в судах). Диоген Лаэртий (VI, 101) сообщает о целом труде киника Мениппа *πρὸς τοὺς φουβικοὺς καὶ γραμματικοὺς*. Ф. И. Брехт в обзоре комического типа «Поэт / грамматик» в греческой эпиграмме²¹ указывает, что внутренние разногласия в среде античных учёных, в том числе спор между риторами-азианистами и грамматиками-

¹⁸ *Cribiore R.* *Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt.* Princeton, 2001. P. 202–203.

¹⁹ *Kaster R. A.* *Guardians of Language: The Grammarian and Society in the Late Antiquity.* Berkeley, 1997. P. 201.

²⁰ По крайней мере, так представляют дело сами риторы – такие, как Либаний и др. Р. Кривьоре (*Cribiore R.* *The Value of a Good Education: Libanius and Public Authority // Rousseau P. (ed.) A Companion to Late Antiquity / Ed. by P. Rousseau. Chichester; Malden, 2009. P. 233–245*) доказывает, что имеющиеся у нас сведения, представляя только точку зрения заинтересованной стороны, создают чрезмерно идеализированную картину: на деле для получения высокого поста могло хватить и пары лет риторического образования.

²¹ *Brecht F. I.* *Motiv- und Typengeschichte des griechischen Spottepigramms.* Leipzig, 1930 (*Philologus. Supplbd 22, 2*). S. 30–37.

последователями Каллимаха, могли повлиять на отбор материала в Антологии: сохранились именно высмеивающие грамматиков эпиграммы. В них встречаются различные мотивы насмешки. Грамматики, как и любители декламировать чужие и собственные стихи, могут испортить трапезу: в AP XI, 10 Лукиллий предлагает новый закон, согласно которому за столом запрещается читать стихи и обсуждать *ζητήματα γραμματικά*. Педантичность грамматиков и их любовь к мелким, незначительным (по мнению насмешников) деталям поэтических текстов становится поводом назвать их «собирающими колючек» (XI, 20; 347) или «ступающими по колючкам» (XI, 322). Оторванность от реальности приводит к неудачам в личной жизни: в то время как в школе грамматик рассуждает о поступке Париса, у него дома его Елена принимает целую кучу Парисов (XI, 278). Впрочем, в другой эпigramме (XI, 139), которая также принадлежит Лукиллию, грамматик сам предается удовольствиям с матерью своего ученика.

Паллад, безусловно, испытывал сильное влияние Лукиллия, при котором жанр *Spotterigramm* достиг своего расцвета.²² Это порождает атрибуционные проблемы: сомнения в том, кто из двух поэтов написал то или иное стихотворение, засвидетельствованы уже в леммах Палатинской антологии, и некоторые из эпigramм, приписываемых Палладу, исследователи считают принадлежащими Лукиллию.²³ А. Кэмерон предполагает, что уже Авзоний мог иметь на руках сборник эпigramм, содержащий, в числе прочих, стихотворения Паллада и Лукиллия.²⁴ В эпigramмах Паллада фигура грамматика далека от карикатурного портрета, который мы обрисовали в предыдущем абзаце — но и описанного Кастером возвышенного образа мы в них также не найдем. Паллад пишет не о высоком социальном статусе или

²² *Albiani M. G. Lukillios // NP. Bd VIII. 2006. Sp. 503.*

²³ Или Лукиану (не исключено, впрочем, что это указание в леммах Антологии является результатом неверно прочитанного сокращения ΛΟΥΚ). Неясен статус эпigramм VII, 339; X, 118; XI, 279; 281; 282; 293–295: *Peck W. Palladas // RE. Bd 18, 3 (1949). Sp. 163.*

²⁴ *Cameron A. The Greek Anthology from Meleager to Planudes. Oxford, 1993. P. 95–96.*

благодарных учениках, а о бедности и тяготах жизни грамматика. Папирусные находки подтверждают, что доходы учителя были невысоки — плату могли отдавать продуктами;²⁵ грамматик Лоллиан в III в. н. э. жалуется на то, что платят ему редко, и то плохим вином и попорченным зерном.²⁶

Впрочем, к словам Паллада в любом случае необходимо относиться с большой долей осторожности, помня, что грамматик в его стихотворениях — это утрированный художественный образ; скоптические эпиграммы не стоит путать с дневниковыми зарисовками (из того, что бросается в глаза: само имя жены Паллада, указанное лемматистом, — Андромаха — подозрительно «говорящее» и наверняка вымышлено). Вопреки мнению Й. Ирмшера, который, заклеив творчество Паллада как «упадническую книжную поэзию, предназначенную для узкого круга одинаково мыслящих друзей», задаётся вопросом о возможности реконструкции его биографии только на основании стихотворений и приходит к в той или иной мере положительному ответу,²⁷ мы воздержимся от смелых выводов относительно реальных жизненных обстоятельств Паллада и будем рассматривать его тексты преимущественно в свете грамматической школы.

Грамматику, неоднократно повторяет Паллад, судьбой предначертано страдание. Наиболее ёмко идею предопределённости в судьбе человека, который постоянно имеет дело с *гневом Ахиллеса*, выражает дистих XI, 279, приписываемый то Лукиллию, то тому же Палладу: Οὐδεὶς γραμματικῶν δύναται ποτε †ὄλβιος† εἶναι / ὀργήν καὶ μῆνιν καὶ χόλον εὐθὺς ἔχων. А. Сенс указывает, что в пентаметре содержится отсылка не просто к гомеровской лексике, но к филологическим комментариям грамматиков, объяснявшим слова через

²⁵ R. Cribiore. *Writing, Teachers, and Students in Graeco-Roman Egypt*. Atlanta, 1996. P. 16.

²⁶ *Ibid.* P. 168.

²⁷ Ирмшер Й. Паллад / Пер. с нем. И. С. Черновой // *Византийский временник*. 1956. Т. 11. С. 249.

цепочки синонимов: так, слово μήνις толковалось при помощи χόλος и ὀργή.²⁸ Эту тему Паллад развивает в нескольких других эпиграммах: IX, 168–169, 171 и 173–175. Первая из них завершает череду жалоб Паллада на женщин в целом и свою жену в частности,²⁹ вводя новый сюжет: беды грамматика. Её дополняет AG Append. III, 145 Cougny:³⁰ жена постоянно ссорится с мужем и придирается ко всему, что бы он ни делал.

IX, 168:

“Μῆνιν οὐλομένην» γαμετήν ὁ τάλας γεγάμηκα
καὶ παρὰ τῆς τέχνης μήνιδος ἀρξάμενος.
ὄμοι ἐγὼ πολύμηνης, ἔχων τριχόλωτον ἀνάγκην,
τέχνης γραμματικῆς καὶ γαμετῆς μαχίμης.

Я, несчастный, женился на «гибельном гневе», и в искусстве начав с «гнева». Увы мне, на которого много гневаются, обладателю треклятого рока — искусства грамматики и воинственной супруги.

App. III, 145 Cougny:

<Μῆνιν ἄειδε> μαθὼν καὶ <Μῆνιν ἄειδε> διδάξας,
<οὐλομένην,> γαμετήν ἠγαγόμην ὁ τάλας·

²⁸ Sens A. Notes on Homeric Humor in Lucillius // Homère revisité : Parodie et humour dans les réécritures homériques. Actes du colloque international, Aix-en-Provence 30-31 octobre 2008. Besançon, 2011. P. 183–184.

²⁹ Кроме эпиграмм о жене, Паллад написал ещё несколько стихотворений, которые следуют восходящей к Гесиоду и Семониду традиции и содержат претензии ко всему женскому роду: IX, 165–167; X, 55–56; XI, 286–287; 381 (эта последняя эпиграмма послужила эпиграфом к «Кармен» Мериме и благодаря этому стала наиболее популярным в современной культуре текстом Паллада). О мизогинических мотивах у Паллада см.: Franke 44–45; Peek W. Op. cit. S. 161–162. См. также: Henderson W. Palladas of Alexandria on Women // Acta Classica. 2009. Vol. 52. P. 83–100.

³⁰ Её перевод на латынь дошёл в сборнике Epigrammata Bobiensia (47); в нём вместо первого стиха «Илиады» используется удачно подходящий для этой же цели первый стих «Энеиды»: Arma virumque docens et arma virumque peritus / non duxi uxorem, sed magis arma domum...

πᾶν δ' ἤμαρ μάχεται, καὶ παννυχίη πολεμίζει,
 ὡς παρὰ τῆς μητρὸς προῖκα λαβοῦσα μάχην.
 Ἦν δὲ θέλω σιγᾶν, καὶ μαρναμένη ὑποείκειν,
 ὅττι περ οὐ μάχομαι, τοῦδ' ἔνεκεν μάχεται.

Выучив «гнев, воспой» и преподавая «гнев, воспой», я, несчастный, взял в жёны гибельную супругу: ведь целый день она сражается, и целую ночь ведёт войду, как будто в качестве приданого получив от матери битву. Если же я предпочитаю молчать и подчиняться воюющей, то из-за самого того, что я не воюю, воюет она.

Плотность гомеровской лексики видна уже в этих двух эпиграммах: это композиты πολύμηνις (намекающий на πολύμητις) и τριχόλωτος с усилительным три- (педантичное исправление на δι- в *Pl* напрасно защищают Дюбнер³¹ и другие издатели; против этого разумно высказывается Цервес³²) в IX, 168, ἤμαρ в III, 145 Cougny. В последнем стихе IX, 168 явственно видно стремление к аллитерации, вообще свойственное Палладу — а с учётом произношения его времени (αι = ε, η = ι) первая половина пентаметра практически до звука повторяет вторую. «Воинственная супруга» — также не изобретение Паллада, а топос: ср. Arist. *Lysistr.* 452–454: Νῆ τῷ θεῷ γνώσεσθ' ἄρα / ὅτι καὶ παρ' ἡμῖν εἰσι τέτταρες λόχοι / μαχίμων γυναικῶν ἔνδον ἐξωπλισμένων; *Sept. Prov.* 21: Κρεῖσσον οἰκεῖν ἐν ἐρήμῳ, ἢ μετὰ γυναικὸς μαχίμου καὶ γλωσσώδους καὶ ὀργίλου.

Та же тема — все беды от Гомера и его поэм — развивается в эпиграмме IX, 169:

Μῆνις Ἀχιλλῆος καὶ ἐμοὶ πρόφασις γεγένηται
 οὐλομένης πενίης γραμματικευσαμένῳ.
 εἶθε δὲ σὺν Δαναοῖς με κατέκτανε μῆνις ἐκεῖνη,

³¹ Dübner II, 181.

³² Zerwes 8.

πρὶν χαλεπὸς λιμὸς γραμματικῆς ὀλέσει.
 ἀλλ' ἴν' ἀφαρπάξῃ Βρισηίδα †πρὶν† Ἀγαμέμνων,
 τὴν Ἑλένην δ' ὁ Πάρις, πτωχὸς ἐγὼ γενόμεν.

Гнев Ахиллеса стал и для меня, взявшегося за ремесло грамматика, причиной губельной бедности.³³ О, если бы меня вместе с данайцами убил тот гнев, прежде чем меня погубит тяжёлый голод грамматика!³⁴ Чтобы Агамемнон некогда украл Брисеиду, а Парис — Елену, я стал нищим.

Дополнительная игра слов, основанная на созвучии λοῖμός — λιμός, отмечается Бекби.³⁵ Развитие дифтонга οι, описанное у С. Аллена,³⁶ на первый взгляд не вполне соотносится с этим наблюдением: в сер. III в. н. э. для οι восстанавливается произношение [ü]. Однако нам кажется более важным другой факт: у Фукидида (II, 54) упоминаются споры о том, сказал ли оракул λοῖμός или λιμός.³⁷ Если Палладу был известен этот эпизод (напомним, что Фукидид входил в канон школьных авторов, а главы о чуме в Афинах принадлежат к числу хрестоматийных), наша игра слов строится не на чистой омофонии, а на литературной отсылке.

Однако гораздо большую трудность заключают в себе ст. 5–6 эпиграммы, которые должны быть кульминацией шутки. Следует сразу отметить, что однозначная их интерпретация невозможна ввиду ряда трудноразрешимых

³³ Для οὐλομένη λενίη ср. Hes. *Theog.* 593.

³⁴ Отмечались параллели со словами Одиссея (Hom. *Od.* V, 306 sqq.), когда он в минуту душевной слабости называет блаженными тех данайцев, что погибли на войне.

³⁵ Beckby, III, 778.

³⁶ Allen W. S. *Vox Graeca: A Guide to Pronunciation of Classical Greek.* Cambridge, 1968. P. 77.

³⁷ Аллен (Ibid.) предполагает произношение дифтонга как [öi], которое легче перепутать с [i]. Заметим, однако, что афиняне у Фукидида обсуждают старинное пророчество: спор, по всей видимости, идет не о том, правильно ли был когда-то расслышан оракул, а о том, не исказился ли он в дальнейшей (устной и письменной) традиции; не о фонетике, а о lapsus linguae et calami. Использовать это место для реконструкции произношения, на наш взгляд, не стоит.

проблем. Привычное понимание ἵνα как целевого союза отражено в переводах Сури («pour qu'Agamemnon enlevât autrefois Briseis, et Pâris Hélène, je suis devenu mendiant»)³⁸, Пейтона («all to let Agamemnon run away with Briseis, and Paris with Helen, I have become poor»)³⁹ и Шульца («Чтоб Агамемнон когда-то похитить сумел Брисеиду, / Как и Елену — Парис, должен я жить в нищете»)⁴⁰. Но как Паллад может быть *причиной* похищения Елены или Брисеиды?

Цервес считает иначе: благодаря грамматике память о событиях, которые описал Гомер, живёт в веках.⁴¹ Нам кажется странным предполагать, что Паллад обладает таким высоким мнением о важности своей профессии — Гомера читают и без грамматиков. К тому же это противоречит началу эпиграммы: если всё-таки грамматика служит чтению Гомера, ради этого можно было бы и потерпеть лишения. Еще одно толкование «переворачивает» фразу, меняя направление причинно-следственной связи и приводя дистих в соответствие с обычной для Паллада позицией: из-за того, что Агамемнон и Парис получили женщин, Паллад обнищал. Его придерживаются Бекби («da musste zuvor Agamemnon Briseis und Paris Helena rauben, damit ich als ein Bettler erstand»)⁴² и Якобс («quia Agamemnon olim Briseida, Paris Helenam rapuit, i. e. propter bella ab Homero decantata, ego mendicus fio»)⁴³. Ни тот, ни другой, однако, не подкрепляют свой перевод параллелями, между тем как он противоречит правилам греческого синтаксиса. Невзирая на то, что отношения причины и цели во многих языках разных семей близки друг к другу, связаны по смыслу (причина того или иного действия вытекает из его цели) и порой выражаются при помощи очень близких по форме конструкций (ср. фр. pourquoi — 'почему',

³⁸ Coll. Budé VII, 67–68.

³⁹ Paton III, 89.

⁴⁰ *Паллад Александрийский. Эпиграммы / Вступл., пер. и комм. Ю. Ф. Шульца С. 263.*

⁴¹ Zerwes 15.

⁴² Beckby III, 107.

⁴³ Jacobs X (= Comm. II.3), 222.

букв. ‘для чего’; англ. for, употребляемое и для обозначения цели, и в смысле ‘так как’; etc.), ничто в историческом развитии ἵνα не указывает на возможность воспринимать его как причинный, а не целевой союз.⁴⁴

Текстологические проблемы приводят к ещё более значительным затруднениям. Положение πρίν в 5-м стихе непрочно метрически, мешает соотношению главного и придаточного предложений и скомпрометировано тем же πρίν в начале 4-го, которое могло стать причиной ошибки переписчика. Среди предлагавшихся конъектур⁴⁵ некоторые выглядят довольно естественно (напр., приложение к Брисеиде κόρην, встречающееся и у Гомера, или более лаконичное Βρισηίδ’ ὁ πρίν Ἀγαμέμνων), но не объясняют, откуда взялась эта ошибка.

Проблема, таким образом, остаётся нерешённой. Общая тема эпиграммы ясна, но восстановить непротиворечивое чтение стихов 5–6 не представляется возможным.

Другое доказательство того, что грамматик находится в вечной нищете, встречается в эпigramме IX, 174:

Ἐνθάδε παιδεύουσιν ὅσοις κεχόλωτο Σάραπις,
 τοῖσιν ἀπ’ «οὐλομένης μήνιδος» ἀρχομένοις·
 ἔνθα τροφὸς κατὰ μῆνα φέρει μισθὸν μετ’ ἀνάγκης,
 βύβλω καὶ χάρτῃ δησαμένη πενίην·
 ὡς δὲ κάπνισμα τιθεῖ παρὰ τὸν θρόνον, ὡς παρὰ τύμβον,
 τὸν μικρὸν χάρτην τὸν παραριπτόμενον.
 κλέπτει δ’ ἐξ ὀλίγου μισθὸν καὶ χαλκὸν ἀμείβει
 καὶ μόλιβον μίσγει καὶ τὸ ἔθος δέχεται.
 ἦν δέ τις εἰς ἐνιαυτὸν ἄγῃ χρυσοῖο νόμισμα,
 ἐνδεκάτῳ μηνί, πρίν προφέρειν, μετέβη,
 ἀγνώμων δὲ φανεῖς καὶ τὸν πρότερον διασύρας

⁴⁴ Об употреблении и истории ἵνα как целевого союза см. *Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd 2: Syntax und syntaktische Stylistik / Vervollst. und hrsg. von A. Debrunner. München, 1950. S. 672–674.*

⁴⁵ Полный критический аппарат см.: *Stadtmüller, III, 1, 133–134.*

γραμματικὸν στερέσας μισθὸν ὅλου ἔτεος.

Здесь учат все те, на кого разгневался Сарапис,⁴⁶ за то, что они начинают от «гибельного гнева»; сюда кормилица⁴⁷ месяц за месяцем по принуждению несёт плату, заворачивая бедность в папирусный лист, и кладет возле кресла,⁴⁸ словно воскурение возле могилы, маленькую жалкую бумажку К тому же она потихоньку крадет плату, и подменяет медь, и примешивает свинец, и получает свой интерес.⁴⁹ Если же кто-то договорился отдавать золотую монету сразу за год,⁵⁰ то на одиннадцатый месяц, прежде чем заплатить, переходит <к другому учителю>, явив себя бессердечным и ободрав прежнего грамматика, который лишается платы за целый год.

Идея начала от «гибельного гнева» в этой эпиграмме играет скорее украшающую роль, подхватывая κεχόλωτο из первой строки. Эта довольно длинная для Паллада эпиграмма даёт редкую возможность почерпнуть важные сведения о том, как платили за занятия — или помесечно, или сразу за весь год;⁵¹ но, как видим, и в том, и в другом случае грамматик оказывается в убытке.

⁴⁶ Греческо-египетское божество Сарапис (Σάραπισ, Σέραπισ), культ которого с эллинистической эпохи широко распространился и за пределы Египта, было универсальным, объединяя в себе иногда противоречащие друг другу функции разных богов, и не имеет никакого отношения к профессии грамматика; здесь Сарапис упомянут, по-видимому, в таком же широком смысле, в каком мог бы быть упомянут Зевс. Один из крупных храмов Сараписа находился в Александрии и был разрушен в 391 г. по приказу патриарха Теофила.

⁴⁷ О переводе τροφός спорят; так, Дюбнер (Dübner II, 181) полагает, что это мать.

⁴⁸ Кресло с высокой спинкой (кафедра) отличает грамматика от грамматиста, указывая на его более высокий статус: *Cribiore R. Writing, Teachers, and Students...* P. 14, n. 8.

⁴⁹ Это место вводит в затруднение. Комментаторы и переводчики сходятся на то, что ἔθος в данном контексте должно означать ‘интерес’, ‘выгоду’ или ‘награду’.

⁵⁰ Значение глагола ἄγω истолковывают по-разному. Вальц (Coll. Budé VII, 70 прим. 1): ‘compter comme dû’.

⁵¹ Сводку данных о заработке грамматиков см.: *Kaster R. A. P.* 120 ff.

В итоге бедность приводит палладовского грамматика к тому, что он оставляет свою профессию. Рассмотрим две эпиграммы на эту тему: IX, 175 и IX, 171.

IX, 171

Ὅργανα Μουσάων, τὰ πολύστονα βιβλία πωλῶ
εἰς ἑτέρας τέχνης ἔργα μετερχόμενος.

Πιερίδες, σῶζοισθε· λόγοι, συντάσσομαι ὑμῖν·
σύνταξις γὰρ ἐμοὶ καὶ θάνατον παρέχει.

Я продаю инструменты Муз, книги, приносящие много стонов, переходя к делам другого искусства. Пиериды, прощайте; слова, прощаюсь с вами: ведь синтаксис приносит мне и смерть.

IX, 175

Καλλίμαχον πωλῶ καὶ Πίνδαρον ἠδὲ καὶ αὐτὰς
πτώσεις γραμματικῆς πτῶσιν ἔχων πενίης.

Δωρόθεος γὰρ ἐμὴν τροφίμην σύνταξιν ἔλυσε
πρεσβείην κατ' ἐμοῦ τὴν ἀσεβῆ τελέσας.

ἀλλὰ σύ μου πρόστηθι, θεῦ φίλε, μηδέ μ' ἐάσης
συνδέσμῳ πενίης τὸν βίον ἐξανύσαι.

Я продаю Каллимаха и Пиндара, и даже сами надежды грамматики, имея несчастье-бедность. Ведь Дорофей⁵² отобрал кормящее меня жалование,

⁵² Идентификация Дорофея вызывает споры. Штадтмюллер и Пейтон (ad loc.) считает, что это отец ученика; Цервес (Zerwes 24) возражает, что потеря одного, даже богатого ученика не могла привести грамматика к краху, и развивает идею Й. Геффкена (Geffcken J. Griechische Epigramme. Heidelberg, 1916. S. 156–157) о том, что Паллад пострадал от какого-то официального лица, так как была язычником. Отсюда Цервес выводит, что Паллад был грамматиком на государственной службе и потерял место – типичный пример того, как далеко может завести «биографический подход» к нашему поэту.

направив против меня бесчестную жалобу. Но ты встань на мою защиту, любезный богу,⁵³ и не позволяй, чтобы я покинул жизнь в союзе с бедностью.

Обратим внимание на игру слов, включающую грамматические термины: если в IX, 171 это только συντάσσομαι — σύνταξις, то в IX, 175 обыгрываются сразу три слова: πῶσις, σύνταξις и σύνδεσμος. Это не единичный случай в греческой эпиграмме; для сравнения можно привести XI, 139 (Лукиллий), где о грамматике, приятно проводящем время с матерью своего ученика, говорится μελετῶν οὐ παύεται οὗτος / πῶσεις, συνδέσμους, σχήματα, συζυγίας.

В отличие от жены, развод с которой ему якобы воспрещал римский закон,⁵⁴ от грамматики Паллад, по его словам, к концу жизни смог освободиться (IX, 378). Если в IX, 175 причиной продажи книг является бедность грамматика, в IX, 171 он «переходит к делам другого искусства» (εἰς ἑτέρας τέχνης ἔργα). О чем идёт речь, остаётся только гадать. Вальц⁵⁵ считает, что Паллад буквально становится продавцом книг — однако кажется, что здесь стоит видеть скорее идею освобождения: книги ему больше не нужны.⁵⁶

Указание на возраст поэта сообщает нам эпиграмма X, 97: λίτρα, мера веса, содержала 72 золотые монеты. Этот дистих тоже повествует об отношениях Паллада с его профессией.

⁵³ Как объяснил Боура, защитивший это место от исправлений, странное перифрастическое обращение «любезный богу» содержит намек на александрийского патриарха Феофила (*Bowra C. M. Palladas and Christianity. P. 267*).

⁵⁴ Это указание используют для определения дат жизни поэта: закон Константина, запрещающий развод не по обоюдному желанию, был принят в 331 г. и, как предполагают, отменен при Юлиане (дело, конечно, не в том, была ли у исторического Паллада жена и если да, действительно ли он хотел развестись с ней, а в том, что читатели эпиграммы уже должны были знать про «авзонийский закон»). Таким образом, эпиграмма IX, 378 была, по всей вероятности, написана в 331–363 гг. Дж. Веццоци, однако, не считает это достаточным основанием для датировки (*Vezzosi 34–35*; о её взгляде на хронологию Паллада см. выше во Введении).

⁵⁵ *Coll. Budé VII, 68*.

⁵⁶ Употребление глагола συντάσσομαι говорит в пользу этого понимания: «grammaticae valedicit», комментирует Дюбнер (*Dübner II, 181*).

Λίτραν ἐτῶν ζήσας μετὰ γραμματικῆς βαρυμόχθου
 βουλευτῆς νεκύων πέμπομαι εἰς Αἶδην.

Прожив литру лет с тяжелопечальной грамматикой, я, советник мёртвых, отправляюсь в Аид.

Эпитет βαρύμοχος во втором стихе хотя и редок, но засвидетельствован (*AP* XI, 60, 3; XII, 132, 7; *API* 102; Nonn. *Dion.* V, 473; XLII, 170; et al.). Значение первого стиха очевидно: поэт оригинально сообщает читателю свой возраст, употребив заодно редкий составной эпитет. Но о каком «советнике мёртвых» может идти речь в пентаметре?

Якобс считает, что Паллад стремился к *senatorius honor* (βουλευτής — член местного совета; аналог латинского термина *senator*),⁵⁷ но не преуспел.⁵⁸ Цервес оспаривает эту идею с точки зрения реалий: занимать должность было довольно затратно, поэтому Паллад не мог этого хотеть. Однако, не в силах сойти с «биографического» пути, он предлагает ещё более нелепую версию: Паллад якобы был *вынужден* занять должность и в эпиграмме сетует на то, что она сведёт его в могилу.⁵⁹ Шрёдер не соглашается с Цервесом, указывая, что должность члена совета традиционно передавалась по наследству от отца к сыну.⁶⁰

Нам, однако, кажется, что здесь нет необходимости погружаться в реалии римского местного самоуправления. Паллад, насколько можно судить по его

⁵⁷ Это греческое название не засвидетельствовано в официальных документах, но часто встречается у авторов: *Mason H. J. Greek Terms for Roman Institutions: A Lexicon and Analysis.* Toronto, 1974. P. 123.

⁵⁸ *Jacobs* X, 224.

⁵⁹ *Zerwes* 28.

⁶⁰ *Schröder* 162.

творчеству, не стремится строить карьеру,⁶¹ а магистратов недолюбливает («не бывает одновременно честных и любезных начальников – первые важничают, вторые воруют»; IX, 393). К тому же – и это важнее всего – эпиграммы Паллада, имеющие отношение к грамматической школе, обычно мало связаны с реальной жизнью. Уже Иоанн Бродей (Jean Brodeau, ок. 1500–1573),⁶² комментируя нашу эпиграмму, привел передаваемые Плутархом слова Катона Старшего об учениках Исократы: они тренировались так долго, как будто собирались произносить речи не при жизни, но уже в Аиде.⁶³ К Палладу, который учил не риторике, а грамматике, это вряд ли может иметь отношение; однако материал у грамматика и ритора схож – «школьные» авторы. Согласно нашей гипотезе, βουλευτῆς νεκρῶν следует понимать буквально: грамматик в силу своей профессии постоянно общается с мёртвыми классиками — вот и Паллад, столько лет потратив на поэтов, которые уже давно в Аиде, после собственной смерти заслуженно получит у них должность члена совета.

Коллег по цеху, равно как и учеников, Паллад почти не упоминает. Единственное исключение – карикатурный портрет ритора Мавра (XI, 204) – вновь заставляет думать о литературной игре:

Ῥήτορα Μαῦρον ἰδὼν ἐτεθήπεα ῥυγχελέφαντα,
χεῖλεσι λιτραίοις φθόγγον ἰέντα φόνον.

Я изумился, увидев ритора Мавра – со слоновьим носом, испускающего убийственный звук пудовыми губами.

⁶¹ Целая серия эпиграмм (VII, 681–688) высмеивает некоего Гессия — загадочного персонажа, который, как предполагают исследователи, погиб, стремясь занять излишне высокий пост (см.: Bowra C. M. The Fate of Gessius // Classical Review. 1960. NS. Vol. 10. P. 91–95).

⁶² Цит. по: Jacobs X, 224.

⁶³ Plut. Cato Mai. 23, 2.

Очевидно, что делать из этого стихотворения выводы об отношениях поэта с другими грамматиками и риториками было бы опрометчиво. Многие короткие эпиграммы Паллада высмеивают представителя той или иной профессии — это один из традиционных типов *Spottepigramm*⁶⁴ — и обладают схожей структурой: объект насмешки называется по имени и роду деятельности, затем следует язвительный комментарий. Здесь этот мотив объединен с другим — высмеиванием чьих-то физических недостатков.

В связи с этой эпиграммой рассматривают *API* 20 (Аммиан): ῥήτορα Μαῦρον ἰδὼν ἀλεθαύμασα, τὸν βαρύχειλον, / τέχνης ῥητορικῆς δαίμονα λευκοφόρον. Приписывать обе эпиграммы авторству Паллада, как это делает Шрёдер,⁶⁵ нам кажется неразумным. Цервес считает, что Паллад состязается с Аммианом, и это вполне оправданно: шутка по поводу внешнего вида из *API* 20 получает более тонкую обработку.⁶⁶ Имя ритора, Мавр, должно быть говорящим: оно становится смешным благодаря описанию его тяжёлых губ и огромного носа. Предположение Бекби⁶⁷ и других, что Паллад высмеивает конкретного человека, таким образом, неверно,⁶⁸ а поиски параллелей с какими-то другими Маврами бесполезны: для насмешливой эпиграммы характерен выбор «говорящего» имени, которое служит усилению комического эффекта. Высмеивается, однако, всё равно типаж, что сближает эпиграмму с

⁶⁴ Подробный разбор самых частых объектов насмешки см.: *Brecht F. I. Op. cit. S. 17–51.*

⁶⁵ Schröder 42.

⁶⁶ Zerwes 197–198.

⁶⁷ Beckby III, 840.

⁶⁸ Из всех попыток отождествить имена, упомянутые у Паллада, с реальными людьми, кажется успешной только идентификация Магна из эпиграммы XI, 281 с Магном из Нисибиса, учёным и врачом IV в. н. э. См.: *Plastira-Valkanou M. A. P. 11.281 : A Satirical Epitaph on Magnus of Nisibis // L'antiquité classique. 2003. T. 72. P. 187–194.*

анекдотическими зарисовками в прозе, для которых наличие имени, напротив, несвойственно.⁶⁹

Обращает на себя внимание форма ἐτεθήπεια: она редка и прочно ассоциируется с эпизодом из VI песни Одиссеи (166–169: ὡς δ' αὐτῶς καὶ κείνο ἰδὼν ἐτεθήπεια θυμῷ, / δὴν, ἐπεὶ οὐ πῶ τοῖον ἀνήλυθεν ἐκ δόρυ γαίης, / ὡς σέ, γύναι, ἄγαμαί τε τέθηπά τε, δείδια δ' αἰνῶς / γούνων ἄψασθαι· χαλεπὸν δέ με πένθος ἰκάνει). Изысканные комплименты Одиссея, описывающего своё потрясение красотой Навсикаи, предельно контрастирует с нашим местом; весьма вероятно, что Паллад сделал это намеренно. Пентаметр усиливает характеристику Мавра: он не просто уродлив, но «испускает звук-смерть». Дополнительную остроту шутке может добавить этимологическое наблюдение, на которое указывает Обретон:⁷⁰ слово τάφος ‘оцепенение’ (скрывающееся в корне формы ἐτεθήπεια) имеет омоним ‘могила’, так что ἐτεθήπεια усиливает представление о тяжёлых губах, умерщвляющих слушателя.

Таким образом, мы убедились, что Паллад в эпиграммах, многие из которых написаны от первого лица, стремится обрисовать типичный образ грамматика и посмеяться над ним. Безусловно, нельзя отрицать, что некоторые из них имеют отношение к реальным жизненным обстоятельствам поэта, однако и здесь он предпочитает не столько намекать на конкретные лица и события, сколько создавать обобщенную картину. Вместо «автобиографических» признаний, как интерпретируют их Цервес и другие, эти эпиграммы сообщают нам ценные и полученные из первых рук сведения о том, как воспринималась фигура грамматика в позднеантичной Александрии.

⁶⁹ Floridi L. Greek Skoptic Epigram and ‘Popular’ Literature: Anth.Gr. XI and the Philogelos // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2012. Vol. 52. P. 637.

⁷⁰ Coll. Budé X, 264, n. 5.

Глава 2. Элементы γραμματικὴ τέχνη

Помимо эпиграмм, рисующих образ грамматика, у Паллада есть немало очевидных отсылок к элементам его ремесла. Именно с них Франке начинает разговор о любви Паллада к каламбурам: «Etiam vocabula artis suae propria iocose detorquere et ironice illudere sapit <...> quaestiones etymologicas tractat <...> ut omnino verbis ludere ei in deliciis esse videmus».⁷¹ В его эпиграммах (как мы отчасти уже видели выше в связи с IX, 171 и 175), нередко встречаются шутки, основанные на том, что то или иное слово может употребляться и как грамматический термин. Одна из этих эпиграмм, IX, 173, даёт, как нам кажется, больше поводов вспомнить об античной филологической традиции, чем это замечают как древние, так и современные толкователи.

Ἀρχὴ γραμματικῆς πεντάστιχος ἔστι κατάρα·
 πρῶτος «μῆνιν» ἔχει, δεύτερος «οὐλομένην»,
 καὶ μετὰ δ' «οὐλομένην» Δαναῶν πάλιν «ἄλγεα» πολλά·
 ὁ τρίτατος «ψυχὰς εἰς Αἴδην» κατάγει·
 τοῦ δὲ τεταρταίου τὰ «ἐλώρια» καὶ «κύνες» ἀργοί,
 πέμπτου δ' «οἰωνοὶ» καὶ «χόλος» ἔστι «Διός».
 πῶς οὖν γραμματικὸς δύναται μετὰ πέντε κατάρας
 καὶ πέντε πτώσεις μὴ μέγα πένθος ἔχειν;

Начало грамматики — проклятие в пяти стихах: в первом есть гнев, во втором — гибельный, а после гибельного — опять многие страдания данайцев; третий сводит души в Аид; а у четвертого добыча и быстрые псы, а у пятого — хищные птицы и гнев Зевса. Итак, как может грамматик не иметь большого страдания с пятью проклятиями и пятью надеждами?

⁷¹ Franke 40.

Всё та же идея о проклятии «гибельного гнева» получает новое развитие: не только первые слова, но и все пять первых строк «Илиады» не предвещают ничего хорошего. К тому же в арсенале грамматика — пять падежей, πτώσεις, что усиливает шутку благодаря этимологии термина (ср. лат. *casus*). Сделаем наблюдение, ускользнувшее до сих пор от взглядов комментаторов (хотя Л. А. Гишар, казалось бы, приближается к нему, говоря, что наша эпиграмма «намекает на изучение склонения»).⁷² В первых пяти строках «Илиады» можно встретить формы существительных во всех пяти падежах, включая вокатив: μήνιν (acc.), θεά (voc.), Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος (gen.), Ἀχαιοῖς (dat.), и только в пятой строке впервые попадается номинатив от имени βουλή. Мы не нашли упоминаний о том, что это было отмечено древними; однако школьная традиция работы с гомеровским текстом, который использовался в качестве пособия в том числе и по элементарной грамматике, располагает множеством примеров подобного рода педантично-педагогических выкладок. Например, обращали внимание на стих Гомера, содержащий все восемь частей речи.⁷³ Таким образом, можно предположить, что соответствие между числом строк и числом падежей — это собственное наблюдение Паллада, которое в таком случае добавляет нашей эпиграмме новый уровень интерпретации.

Аналогично знание школьной традиции помогает глубже проникнуть в смысл шутки в эпиграмме IX, 489.

Γραμματικοῦ θυγάτηρ ἔτεκεν φιλότητι μιγεῖσα
 παιδίον ἀρσενικόν, θηλυκόν, οὐδέτερον.

*Дочь грамматика, выйдя замуж (гомеровское сочетание. — Д. К.), родила дитя
 рода мужского, женского, среднего.*

⁷² Guichard L. A. From School...

⁷³ Cf. Eusth. *Comm. in Il.* XX, 59.

Если, конечно, оставить в стороне эмбриологические фантазии И. Бродяя (у грамматика один внук, и это мертворождённый гермафродит),⁷⁴ и В. Цервеса (третий ребёнок появился без половых признаков)⁷⁵ то перед нами, казалось бы, рядовая насмешка над учителями-педантами. Именно таковой она предстает в вариации Авзония (*Epigr.* 61 Prete): рассеянный ритор Руф, придя на свадьбу, пожелал молодым «et masculini et feminini gignite / generisque neutri filios».⁷⁶ Хотя Вальц и Сури считают, что у Авзония эпиграмма получилась смешнее, чем у Паллада,⁷⁷ мы придерживаемся противоположного мнения. В самом деле, греческий поэт неслучайно употребляет именно существительное παιδίον (а не, допустим, παῖς): это и даёт шутке пуанту. Дело в том, что у греческих грамматиков παιδίον не только является каноническим примером для neutrum (как ἀνὴρ – для masculinum, а γυνή — для femininum), но и неоднократно обсуждается как образец слова, формально относящегося к среднему роду, но могущего обозначать лиц мужского и женского пола. Так, Аполлоний Дискол в теоретическом рассуждении о том, что грамматические характеристики слова могут противоречить его семантике (к примеру, μάχομαι – по форме «пассив», а по смыслу актив), замечает (GG II, 1, 1, p. 215): ἀλλὰ μὴν τὸ παιδίον οὐδέτερον διὰ τὸν τύπον, ἐπεὶ ἀμφοτέρων ἐστὶ διὰ δηλούμενον. См., кроме того, у Гепродиана (GG III, 2, p. 765: некоторые οὐδέτερα являются таковыми только «по звучанию», τὸ μὲν γὰρ παιδίον καὶ τὸ σῶφρον ἢ ἄρσεν ἢ θῆλυ δηλοῖ), Софрония (GG IV, 2, p. 412) и в различных комментариях к Дионисию Фракийскому (GG I, 3, 361 и 539). Узнав о рождении внука, грамматик не может отвлечься от проблем своей науки с её мелочными классификациями.

⁷⁴ Цит. по: Jacobs X, 220.

⁷⁵ Zerwes, 320 (см. также Coll. Budé VIII, 62, n. 1). О двух близнецах, умерших сразу после рождения, говорит уже лемматист.

⁷⁶ Возможно как прямое влияние Паллада на Авзония, так и то, что оба поэта развивают известную шутку (см. об этом: The Works of Ausonius / Ed. with introd. and comm. by R. P. H. Green. Oxford, 1991. P. 399).

⁷⁷ Coll. Budé VIII, 62, n. 1.

Также и в других случаях обыгрывание грамматических терминов становится ядром эпиграммы. Рассмотрим в деталях XI, 317, в которой речь идёт об осле, якобы подаренном Палладу:

Ἀντίπλαστον ἐμοί τις ὄνον μακρόθυμον ἔδωκεν,
 τῶν βασταζομένων ὄρμον ὀδοιπορίας,
 υἷὸν τῆς βραδυτήτος ὄνον, πόνον, ὄκνον, ὄνειρον,
 τῶν ἀνακαμπτόνων ὑστάτιον πρότερον.

Поскольку едва ли не каждое слово в этом стихотворении понималось по-разному и заслуживает комментария, перевода мы пока дать не можем; он станет ясен из дальнейшего. Эпиграмма состоит из череды разнообразных определений к ослу; рассмотрим их по порядку.

ἀντίπλαστον

Прилагательное ἀντίπλαστος, от ἀντιπλάω ‘тянуть в другую сторону’, означает, согласно LSJ, ‘конвульсивный’ или ‘разрываемый’;⁷⁸ вопрос заключается только в том, какое именно поведение осла можно описать с помощью этого слова. Однако бдительный читатель Паллада, несомненно, увидит в первом слове намек на одноименный стихотворный размер — антиспаст. Грамматик Паллад не мог сделать это ненамеренно, поэтому все издатели и комментаторы стремятся толковать место, опираясь на представления о том, что этот метр из себя представляет. Как стопа антиспаст имеет схему ~ — — ~. В отличие, например, от ямба антиспаст не связан у античных теоретиков с какими-либо содержательными коннотациями — это исключительно технический термин. Структура четырехстопного антиспаста,

⁷⁸ Soph. Trach. 790: ἀδαγμὸς α., ‘боль с судорогами’; Orph. H. 21, 5 νέφελαι πνεύμασιν α., ‘разрываемые ветром облака’.

как её понимали античные грамматики,⁷⁹ состоит из трёх антиспастических стоп и ямба, но при этом допускает большое количество вольностей в первой стопе. Если учесть все возможные варианты, четырехстопный антиспаст получит общую схему = = – ~ | ~ – – ~ | ~ – – ~ | ~ – ~ – (по принятой ныне терминологии это большой асклепиадов стих).

Наиболее распространенная из вариаций в антиспасте — замена в первой стопе первого краткого слога долгим. Это повлияло на интерпретацию Максима Плануда: он считает осла хромым на одну ногу, которая у него, как и стопа у антиспаста, короче других.⁸⁰ Брунк⁸¹ и Якобс,⁸² опираясь на классическую схему антиспаста, делают осла хромым сразу на две ноги. Однако предположение о хромоте осла, хотя и имеет право на существование, всё же кажется нам менее обоснованным, чем другое, также уже выдвигавшееся комментаторами: осёл не спотыкается, а упрямится, не желая двигаться вперёд. На это намекает сама схема антиспаста: два долгих слога подряд, идущие перед кратким, создают впечатление остановки или шага назад (Ф. Буассонад: «ἀντίσπαστος, qui tam lente incedit, ut pes, qui progressus est, quasi retrahatur»⁸³). Пейтон без дополнительных объяснений описывает движение осла как «backward as much as forward»,⁸⁴ а Бекби называет его упрямым (bockig).⁸⁵ Кроме того, как было упомянуто выше, само слово «антиспаст» легко этимологизируется, и буквально означает ‘тот, кого тянут в разные стороны’. У нас есть пример, в котором, как кажется, этот метрический термин употреблён в

⁷⁹ Этот термин, использовавшийся для описания некоторых лирических размеров, после открытия эолийской базы стал практически неупотребительным.

⁸⁰ «ἀντίσπαστον οἶμαι χολὸν τὸν ἕνα πόδα οὐχ ὡς τοὺς ἄλλους ὑγιῆ ἔχοντα».

⁸¹ Цит. по: Dübner II, 385.

⁸² Jacobs X, 227.

⁸³ Цит. по: Dübner II, 385.

⁸⁴ Paton IV, 217.

⁸⁵ Beckby III, 699.

составе сравнения; однако его текст сам по себе труден и требует отступления.

В «Коринфской речи», дошедшей под именем Диона Хризостома (37, 40 Arnim; её автором считают Фаворина, софиста I–II в. н. э.), идёт речь о старинных статуях, которые, хотя и не были уничтожены, оказались носящими чужое имя:

...ἕτεροι δὲ ἐστᾶσι καὶ γινώσκονται, τὴν δὲ ἐπιγραφὴν ἔχουσι ἐτέρων, καὶ τὸ γινόμενόν ἐστιν οἷον ἐν τοῖς μέλεσιν ἀντίσπαστον [τὸ μὲν ἐπίγραμμα ῥωμαΐζει, καὶ] τρόπον τινὰ ἀντιδιδάσκουσιν οἱ ποιηταί· τρόπον μὲν Ἑλλήνων <ἔχουσι>, τύχας δὲ Ῥωμαίων.

Приведем приблизительный перевод отрывка: *другие же <статуи> стоят и известны, а надпись имеют чужую, и то, что происходит — как в песнях каким-то образом поэты выставляют напротив анτισпаст: <статуи> имеют облик эллинов, а судьбы — римлян.*

В этом месте все издатели признают сильную порчу текста: всё, что следует за словом ἀντίσπαστον, требует исправления. Мы приводим его в версии Арнима – который изымает τὸ μὲν ἐπίγραμμα ῥωμαΐζει καὶ, добавляет ἔχουσι, но всё равно вынужден констатировать в аппарате: «locus emendationem expectat». Там же он взвешивает возможность не совсем исключить слова τὸ μὲν ἐπίγραμμα ῥωμαΐζει καὶ, но переместить их в конец фразы, добавив к ним предложенное Валесием ὁ δ' ἀνδριάς ἐλληνίζει. В результате получается такое окончание: τρόπον μὲν Ἑλλήνων <ἔχουσι>, τύχας δὲ Ῥωμαίων, τὸ μὲν ἐπίγραμμα ῥωμαΐζει <ὁ δ' ἀνδριάς ἐλληνίζει> (*<статуи> имеют облик эллинов, а судьбы — римлян, надпись говорит по-латински, а фигура — по-гречески*). Это исправление отчасти решает трудность с исключаемыми словами о латинском языке надписи и кажется вполне обоснованным. Однако и то, что читается до колоны, заставляет задуматься о возможных конъектурах: непонятно, о каких

поэтах идёт речь, к тому же смущает повторяющееся дважды в одной строке τρόπον.

Предположим, что следует оставить нетронутым союз καί, который разделит бы эту часть предложения на два отрезка. Тогда слова τρόπον τινὰ ἀντιδιδάσκουσιν οἱ ποιηταὶ будут дублировать ἐν τοῖς μέλεσιν ἀντίσπαστον: если они должны пояснять сравнение, то здесь недостаёт частицы (напр., γάρ), а никакой другой новой информации в них не содержится. Нам кажется, что можно исключить их как глоссу: для читателя аналогия должна быть ясна без лишних объяснений благодаря прозрачной этимологии слова «антиспаст» и идущим далее примерам (статуя Алкивиада, подписанная «Нерон», и т. п.), которые отчетливо иллюстрируют идею «противоречивости» в судьбе статуй. В пользу предложения о глоссе может также свидетельствовать совпадающая приставка в ἀντίσπαστον и ἀντιδιδάσκουσιν. Итак, если это глосса, то проблема со значением οἱ ποιηταὶ снимается — это действительно поэты, так как глоссатор комментирует упоминание лирического метра.

Возможно, однако, и другое толкование пассажа (выбрать между ними мы затрудняемся). Если не исключать из текста упоминание о οἱ ποιηταὶ, то его нужно относить не к «творцам», делающим статуи или надписи на базах⁸⁶ (в этом случае Фаворин выразился бы неоправданно двусмысленно), а к поэтам, которые оставили экфрасисы этих статуй. Ведь откуда столетия спустя можно узнать, кому принадлежит статуя, которую поставили на новую базу и назвали чужим именем? Из её описания, оставленного поэтами прошлого. Видя статую, названную неправильно, как раз и можно сказать, что поэты «учат иному».

Но вернёмся к ослу. Сравнение, которое мы только что обсудили, определенно опирается на идею «противоречивости» антиспаста. Аналогия между ослом и стихотворным размером строится на том же принципе: сделав несколько шагов вперёд и сразу шагнув назад, он словно колеблется, надо ли ему вообще куда-нибудь идти.

⁸⁶ Так понимает Г. Ламар Кросби: *Dio Chrysostom. Discourses 37–60 / With an English transl. by H. Lamar Crosby. Cambridge (Mass.), 1946. P. 39.*

μακρόθυμον

Второй эпитет неожиданно говорит нам о, казалось бы, полезном качестве осла. Бекби переводит его как *störrisch*, ‘упрямый’, в то время как подлинное значение композита *μακρόθυμος* — ‘выносливый’, ‘терпеливый’ (‘long-bearing’: LSJ s. v.), и нет, как кажется, ни одного случая употребления этого слова в качестве негативного определения. У христианских авторов *μακροθυμία* выступает одной из добродетелей, причем такое употребление встречается и вне религиозного контекста: так, мораль к басне Эзопа 353 al. Chambry гласит: *πολλαὶ φύσεις ἀνθρώπων εἰσὶν εὐφρεῖς, ἀλλ’ ἐκ ῥαθυμίας καὶ ὄκνου ἀπόλλυνται· ἐκ δὲ σπουδῆς καὶ μακροθυμίας πολλοὶ περιεγέροντο τῆς φύσεως* (*многие души людей хороши по природе, но из-за легкомыслия и медлительности гибнут; а благодаря старанию и терпению многие становятся лучше своей природы*). Отметим, что в этом пассаже употребляется слово *ὄκνος* — ‘медлительность’, которое мы встретим в третьей строке эпиграммы: *ὄκνος* и *μακροθυμία* находятся в противопоставленных друг другу частях. Приведём также псевдоменандровский фрагмент (Menandr. fr. 19 Meineke), взятый из «Сравнения Менандра и Филистиона», текста IV–VI вв.: *Ἄνθρωπος ὧν μηδέποτε τὴν ἀλπίαν αἰτοῦ παρὰ θεῶν, ἀλλὰ τὴν μακροθυμίαν* (*будучи человеком, никогда не проси у богов отсутствия страданий, но <проси> терпения*). Терпеливость осла, однако, следует понимать в негативном ключе: если его понукают и так, и этак, а он терпит и не двигается с места, *μακροθυμία* не делает ему чести.

τῶν βασταζομένων ὄρμον ὀδοιπορίας

Ослы в основном использовались как вьючные животные, так что употребление глагола *βαστάζω* здесь совершенно оправдано — сложности начинаются дальше. Все издатели и комментаторы интерпретируют «причал пути», *ὄρμος ὀδοιπορίας*, как эпитет, добавляющий красок медлительности осла, чем бы она ни была вызвана — хромотой или упрямством. Так, Якобс

утверждает, что сесть на этого осла ничем не отличается от того, чтобы не двигаться вовсе («qui hunc asinum inscendunt, tanquam itineris finem assecuti essent, quiescunt»),⁸⁷ а Обретон называет осла «mouillage fixe» («неподвижная якорная стоянка»)⁸⁸. С этим можно поспорить: навряд ли человек, сидящий на осле, которого тянет то в одну сторону, то в другую, может чувствовать себя уже добравшимся до пункта назначения; смысл шутки в первую очередь не в этом. Мы хотели бы отметить несоответствие, с которым сталкивается читатель: первое слово эпиграммы достаточно темно, но даёт понять, что имеется в виду дурное качество осла, однако следующий за ним эпитет μακρόθυμος является положительной характеристикой. Очередное загадочное определение во втором стихе могло бы говорить в пользу своего обладателя. Засвидетельствованы такие случаи переносного употребления ὄρμος, как ὄρμος ἐλευθερίας (AP VII, 388) или τὸ γῆρας... ὄρμος τῶν κακῶν (Diog. Laert. IV, 48), обладающие безусловно положительными коннотациями. Таким образом, игра продолжается, ведь и это качество можно было бы толковать в пользу его обладателя, если бы речь не шла об осле: «стоянка в дороге» это хорошо, но не когда твой осёл и без того едва-едва двигается с места. Эта мнимая похвала делает эпиграмму смешнее.

Что же касается отмеченного Обретоном контраста между морским термином ὄρμος и сухопутным ὀδοιπορίη, нам кажется, что он недостаточно ярок, чтобы играть здесь какую-то роль. Выбор именно этих двух слов усиливает звукопись (см. ниже), к тому же употребление ὀδοιπορίη несложно объяснить любовью Паллада к составным словам.

υἰὸν τῆς βραδυτήτος

В начале третьего стиха возникает первое прозрачное указание на то, что осёл Паллада далеко не так хорош, как может подумать читатель: «сын медлительности» — явно не положительная характеристика. Такая структура

⁸⁷ Jacobs X, 227.

⁸⁸ Coll. Budé X, 182.

определения не чужда Палладу; можно сравнить, к примеру, эпиграмму XI, 305, начинающуюся со слов τέκνον ἀναιδείης.

ὄνον, πόνον, ὄκνον, ὄνειρον

На звукопись, особенно заметную в этом стихе эпиграммы, указывает Бекби; он считает, что нагнетание слов со звуком /o/ служит для того, чтобы передать крики осла. И действительно, ‘кричать по-ослиному’ на греческом будет ὀγκάομαι.⁸⁹ Укажем, кроме того, что каждое из этих слов «содержит в себе осла»: π-όνον, ὄ-κ-νον, ὄν-ειρ-ον; ещё один осёл, как кажется, незамеченный комментаторами, «прячется» на стыке ὄκνον ὄνειρον.

Πόνος особенного комментария не требует (осёл причиняет хлопоты хозяевам, нечто вроде русского «горе ты моё»). Отметим, что шутка, основанная на созвучии πόνος и ὄνος, не нова: Филострат рассказывает, как софист Птолемей, увидев книгу, озаглавленную Πόνου ἐγκώμιον, посоветовал убрать из названия букву π (*Vit. soph.* II, 26). Слово ὄκνος тоже связано с ослом учёной аллюзией. На знаменитой фреске Полигнота, описанной Павсанием (X, 29, 1–2), среди других обитателей подземного царства были изображены Оки – персонаж с говорящим именем, который вынужден вечно плести верёвку, между тем как за ним идёт ослица, поедающая плоды его труда.⁹⁰

С ὄνειρος ситуация несколько сложнее. Якобс, поясняя «ὄνειρος, vana asini species, ut somnii»,⁹¹ приводит ряд параллельных мест, где сравнение со сном оказывается отрицательным. Среди них немецкий комментатор выделяет место из Теренция (*Adelph.* 394–395) и определяет осла как ‘iners et socors’. Слова σκία и ὄναρ употребляются синонимично или дополняют друг друга: известно

⁸⁹ Поллукс (5, 88, 4–7) приводит в качестве обозначающих крик осла глаголы βρωμάομαι и ὀγκάομαι; ср. *AP* IX, 301, где осёл называется ὀγκηστής.

⁹⁰ Оки многократно упоминается в греческой и римской литературе; см.: Höfer O. Oknos // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von W. Roscher. Bd 3, 1. Leipzig, 1902. Sp. 821.

⁹¹ Jacobs X, 227.

высказывание Пиндара σκιάς ὄναρ ἄνθρωπος (*Pyth.* 8, 95–96).⁹² К Демосфену восходит афоризм περὶ ὄνου σκιάς,⁹³ означающий ‘<спорить или говорить> о том, что ничего не стоит’. Таким образом, это определение не повторяет идею о том, что осёл медлителен, а ставит точку в цепочке ругательств: «не осёл, а одно подобие».

τῶν ἀνακαμπόντων ὑστάτιον πρότερον

Выражение ὑστάτιον πρότερον, отсылая к стилистическому термину,⁹⁴ должно одновременно дополнять негативную характеристику животного. Якобс считает, что это определение свидетельствует о характере осла: он идёт медленнее всех, но когда пора возвращаться домой, наоборот, торопится больше других. Другие переводят стих размыто, но в целом следуют той же идее. Так, Бекби оставляет ὑστάτιον πρότερον без перевода: «der für die Reise zurück Hysteron-Proteron ist», а Пейтон понимает последнюю строку как «first instead of last for those who are returning».⁹⁵

Интерпретация, которую мы предлагаем, опирается на предположение о том, что ἀνακάμπω следует понимать в изначальном смысле: ‘поворачивающих’.⁹⁶ Здесь можно провести аналогию с лошадьми, бегущими

⁹² Там же люди называются ἐλαμέριοι; речь идёт не о краткости жизни, как можно было предположить, а об отношении к ней. Р. В. Бертон (*Burton R. W. B. Pyndar's Pythian Odes: Essays in Interpretation. Oxford, 1962. P. 190–192*) приводит в комментарии к этому месту Aesch. fr. 399 Radt: τὸ γὰρ βρότειον σπέριμ' ἐφήμερα φρονεῖ, / καὶ πιστὸν οὐδὲν μᾶλλον ἢ καλνοῦ σκιά.

⁹³ Köhler C. S. *Das Tierleben im Sprichwort der Griechen und Römer. Hildesheim, 1967. S. 39.*

⁹⁴ Известный нам в основном как ὕστερον πρότερον, в древности этот приём также назывался ὑστερολογία и πρωθύστερος <λόγος>; самое раннее упоминание о нём засвидетельствовано у современника Паллада грамматика Диомеда (IV в. н. э.): *Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960. § 891. Coenen H. G. Hysteron proteron // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / Hrsg. von G. Kalivoda u. a. Bd 4.. Tübingen, 1998. Sp. 128–131.*

⁹⁵ Paton IV, 217.

⁹⁶ Обретон (Coll. Budé X, 182) так и переводит: «quand on fait volte-face».

по кругу на скачках.⁹⁷ В определённый момент последняя из них, ещё не завершив круга, окажется для стороннего наблюдателя первой: у неё на круг меньше, но именно она находится ближе других к финишу с точки зрения наблюдателя. Превосходная степень ὑστάτιον, свойственная поэтическому языку, делает шутку смешнее, разбивая, казалось бы, устойчивое словосочетание. Отметим, что сочетание ὑστάτιον πρότερον имеет значение, не связанное с содержанием фигуры, которую оно напоминает, просто осёл из самого последнего выбивается вперёд. Именно внешнее сходство, а не анализ делают этот последний эпитет смешным.

Многие комментаторы также считают (и, видимо, небезосновательно), что конец эпиграммы возвращает читателя к её первому слову:⁹⁸ антиспаст симметричен, вторая его часть представляет собой зеркальное отражение первой, ὕστερον πρότερον. Шрёдер идёт дальше и называет симметричным самого осла;⁹⁹ оставим это предположение без комментария.

Интересно отметить, что не только сам осёл (это животное играет важную роль в народной культуре; К. Кёлер собрал 28 пословиц об ослах),¹⁰⁰ но и именно осёл грамматика стал частым объектом насмешки в античности. Эпиграмма Аполлония XI, 399 обыгрывает старую поговорку «ἀλ' ὄνου πεσεῖν» (о говорящих глупости),¹⁰¹ рассказывая о грамматике, который свалился с осла и позабыл своё искусство; между тем как некий Гликон, прежде и на обычном языке грамотно говорить не умевший, теперь ездит на ливийских ослах, и часто с них падая (шутка здесь ясна не до конца), превратился в грамматика. Есть также история об осле грамматика, который якобы

⁹⁷ Ослов могли использовать и для езды верхом, хотя и гораздо реже: *Olick F. Esel // RE. Bd 6 (1907). Sp. 640–641.* Ср. также эпиграмму AP IX, 301, в которой автор жалуется на то, что его заставили соревноваться со скакунами верхом на осле.

⁹⁸ Beckby III, 699.

⁹⁹ Schröder 128: «De voor- en de achterkant van de ezel blijken gelijk te zijn».

¹⁰⁰ Köhler C. S. Op. cit. S. 35–42.

¹⁰¹ Шутка в ней основана на игре слов ἀλ' ὄνου — ἀλὸ νοῦ.

предпочитал поэзию зерну (Phot. *Bibl.* 339a31–37). Сборник анекдотов «Филогелос» содержит историю о грамматике, учившем осла голодать (9); когда же тот издох, грамматик с жалостью воскликнул «Только он так замечательно научился не есть, как умер». Не является ли наша эпиграмма своеобразным упражнением на тему «что может сказать грамматик, проклиная упрямого осла»?

Дополняет тему взаимоотношений грамматика и несчастного осла другая эпиграмма Паллада — XI, 383:

Ἦν ἄρα καὶ κἀνθῶσι Τύχη χαλεπή τε καὶ ἐσθλή,
καὶ Κρόνος ὠρονομεῖ τετραπόδων γένεσιν.
ἐξότε γὰρ καὶ τοῦτον ὄνον χαλεπὸς χρόνος ἔσχεν,
ἐξ ἀλαβαρχείης γραμματικοῦ γέγονεν.
τλῆθι φέρειν λοιπόν, κἀνθήλιε· γραμματικοῖς γὰρ
οὐδὲ τέλος κριθῆ, κρῖ δὲ μόνον λέγεται.

Судьба¹⁰² и у ослов¹⁰³ (т. е. как и у людей) бывает как тяжелой, так и радостной, и Кронос управляет¹⁰⁴ рождением четвероногих. Ведь вот для этого осла настало тяжелое время: <он> из алабархии¹⁰⁵ стал ослом грамматика. Впредь переноси страдания, ослик: ведь у грамматиков нет конца у ячменя, а говорится только «яч».

¹⁰² Богине Тихе посвящены многие эпиграммы Паллада; подробнее об этом см.: Bowra C. M. *Palladas on Tyche* // *Classical Quarterly*. 1960. N. S. Vol. 10. P. 118–128.

¹⁰³ Слово κἀνθῶν, ‘pack-ass’ (LSJ s. v.) довольно редкое; оно встречается в Антологии и один раз у Аристофана (*Pax* 82). К уменьшительному от него κἀνθήλιος восходит латинское canther.

¹⁰⁴ Глагол ὠρονομέω употребляется в специально-астрологических контекстах о влиянии звёзд.

¹⁰⁵ Алабархия (искаж. арабархия) — таможня; очевидно, что жизнь у осла там была лучше, чем в доме бедного учителя.

Планета Кронос (Сатурн) была по астрологическим представлениям древних, связана с несчастливой судьбой;¹⁰⁶ ср., напр., эпиграмму XI, 161 о плохом кулачном бойце, пришедшем узнать, доживёт ли до старости, и получившем такой оракул: ...Ναι, φησίν, ἐὰν ἤδη καταλύσεις· / ἄν δέ γε πικτεύης, ὠροθετεῖ σε Κρόνος (да, говорит, если бросишь: а если будешь бороться, твоей жизнью будет управлять Кронос). Эта эпиграмма, как и предыдущая, содержит изобретательную фонетическую игру со словом ὄνος: Κρόνος ὠρονομεῖ; τοῦτον ὄνον ... χρόνος, вдобавок к обычной аллитерации почти в каждом стихе.

Последний дистих превращает эпиграмму в тонкую шутку, основанную на гомеровском слове κρή. Античные грамматикι считали, что такие слова образуются путем выпадения того или иного звука. В нашем случае Паллад намекает на апокопу в κρήθη, хотя среди объяснений этимологии κρή встречается вариант происхождения от κρήμνον.¹⁰⁷ Попавший к грамматикι осёл оказывается вынужден, по обычаю своего хозяина, называть ячмень сокращенным гомеровским словом, то есть голодать.

Не зная об этой традиции объяснять «сокращённые» гомеровские формы через апокопу или синкопу, невозможно полностью понять эпиграмму VI, 85:

Τὸν θῶ καὶ τὰς κνή τάν τ' ἀσπίδα καὶ δόρυ καὶ κρή
 Горδιοπριλάριος ἄνθετο Τιμοθέω.

Это одна из редких эпиграмм Паллада, попавших в VI книгу Антологии (о VI, 61 см. ниже), и она представляет собой стилизацию посвятительной надписи от имени солдата (посвящение оружия в храм по окончании военной кампании или при выходе на пенсию). В VI книге представлено много вотивных эпиграмм: рыбаки приносят свои сети, гетеры — косметические средства и т. д.

¹⁰⁶ См.: Gundel W., Gundel H. Planeten // RE. Bd 22 (1950). Sp. 2151 ff.

¹⁰⁷ «κρή ἢ κρηθή διὰ τοῦ ι γράφεται. γέγονε δὲ ἀπὸ τοῦ κρηθή κατὰ ἀποκοπὴν τῆς θη συλλαβῆς ἢ ἀπὸ τοῦ κρήμνον τοῦ σημαίνοντος τὸ παχὺ τοῦ ἀλεύρου ὁμοίως κατὰ συγκοπὴν κρή» (Herodian. GG III, 2, p. 538)).

Однако прежде, чем переходить к анализу этой эпиграммы, необходимо взглянуть на другую — ту, которая следует за нашей (VI, 86):

κνημῖδας, θώρηκα, σάκος, κόρυν, ἔγχος Ἀθήνη
 Ροῦφος Μεμμιάδης Γέλλιος ἐκρέμασεν.

Поножи, панцирь, щит, шлем, меч посвятил Афине Руф Геллий Меммиад.

Её автор — Эвтолмий, личность которого весьма туманна.¹⁰⁸ В двух эпиграммах сходен не только сюжет; совпадают и пять упомянутых элементов вооружения: поножи, панцирь, щит, шлем и меч. Лемма εἰς τὸ παιχθὲν ὑπὸ Παλλάδα̃ намекает на пародию, и только П. Вальц пытается вывести из неё пародию Эвтолмия на Паллада;¹⁰⁹ прочие издатели видят в словах лемматиста ошибку.¹¹⁰ И действительно, зачем Эвтолмию было сочинять такую эпиграмму? А если она была написана на заказ, то с какой целью была опубликована? Ответ должен скрываться в любви эпиграмматистов к изысканной краткости, достигшей своего расцвета в эллинистическую эпоху. Так, Каллимах в одной из эпиграмм (AP VII, 447) смог уместить имя, отчество и место рождения героя в полтора стиха, а в оставшейся половине пентаметра пошутил над этим.¹¹¹ Подобным умением хвастается Эвтолмий, помещая пять наименований оружия

¹⁰⁸ Под этим именем сохранилось только четыре эпиграммы в Антологии, а именно VI, 86, VII, 608, VII, 611 и IX, 587. О личности Эвтолмия не известно практически ничего: PLRE II s. v. Eutolmius; Degani E. Eutolmius Illustrius // NP. Bd IV. 1998. Sp. 321.

¹⁰⁹ Coll. Budé III, 61.

¹¹⁰ Только Х. Уайт, споря с мнением А. Кэмерона (Cameron A. Notes on Palladas // Classical Quarterly. N. S. 1965. Vol. 15. P. 217–218), который убедительно доказывает, что пародирует Паллад, считает слова лемматиста достаточно весомым доказательством: White H. Notes on Palladas // Myrtia. 1998. Vol. 13. P. 229, n. 10).

¹¹¹ Σύντομος ἦν ὁ ξείνος· ὃ καὶ στίχος οὐ μακρὰ λέξεων / «Θῆρις Ἀρισταίου Κοῆς» ἐπ' ἐμοὶ δολιχός. О любви к краткости см.: Celentano M. S. L'elogio della brevità tra retorica e letteratura: Callimaco, ep. 11 Pf. = A. P. VII 447 // Quaderni Urbinati di Cultura Classica. 1995. Vol. 49 NS. P. 67–79.

и трехчастное имя дарителя в один дистих — и его пародирует Паллад, доводя идею сокращений до абсурда.

О чём именно идёт речь в эпиграмме VI, 85, ясно становится не сразу: первые слова эпиграммы оказались бы трудноразрешимой загадкой для читателя, если бы не помещенные на третье и четвертое место ἀσπίδα и δόρυ, увидев которые, по аналогии несложно восстановить θώρακα из θῶ и κνημίδα из κνῆ. Последнее κρῆ тоже не представляет трудности: оно происходит из κράνος. Все эти сокращения образованы «по гомеровской модели»: в грамматических трактатах и гомеровских схолиях неоднократно упоминаются такие формы, как δῶ (=δῶμα).¹¹² Обсуждение гомеровских слов, составление и заучивание их перечней было частью школьной традиции, а сами грамматики, толкующие Гомера, нередко становились объектом насмешек. Показательна в этом плане эпиграмма Геродика.¹¹³

Насмешку над грамматиками в первой строке нашей эпиграммы замечают почти все комментаторы; однако перед следующей, начинающейся с жутковатого и явно вымышленного имени собственного, они, как правило, остаются в недоумении. Так, Фридрих Якобс, усматривая (на наш взгляд, справедливо) в имени Гордиоприларий сокращение на основе римского воинского звания *primipilarius*, полагает, что штука Паллада заключается в пародировании речи «неграмотного солдата-варвара, который режет и увечит греческие слова, подобно Скифу в “Женщинах на празднике Фесмофорий”». ¹¹⁴ При этом по поводу θῶ и κνῆ тот же Якобс, явно впадая в противоречие, пишет об игре Паллада с «редкими формами слов, встречающимися у поэтов и грамматиков». Или насмешка над рафинированными гомеристами, или ехидство над неграмотным варваром — объединить то и другое невозможно;

¹¹² В эпиграмме XI, 351 Паллад также употребляет эту форму.

¹¹³ AG Append. III, 25 Cougny: Φεύγεται Ἀριστάρχαιοι ἐπ' εὐρέα νῶτα θαλάσσης Ἑλλάδα, τῆς ξουθῆς δειλότεροι κερμάδος, / γωνιοβόμβυκες, μονοσύλλαβοι, οἷσι μέμηλε / τὸ σφίν, καὶ σφῶϊν, καὶ τὸ μίν, ἠδὲ τὸ νίν. / Τοῦθ' ὑμῖν εἶη, δυσπέμφελοι Ἡροδίκῳ δὲ Ἑλλάς ἀεὶ μῖμοι, καὶ θεόπαις Βαβυλών.

¹¹⁴ Jacobs X, 243–244.

это отмечает в своем издании и голландец А. Шрёдер.¹¹⁵ Впрочем, Якобс выходит из положения, великодушно оставляя эти вопросы другим: «sed haec aliis expedienda relinquimus; mihi in Palladae nugis diu morari non libet». Якобсу вторит Пейтон: Паллад «смеется над солдатами-варварами, в основном готами, которые составляли большую часть византийской армии V в.». Вальц предполагает сокращение какого-то рода, не уточняя, и фактически сдается, указывая, что в Гордиоприларии скрывается какая-то непонятная нам теперь пуанта, которая и делала эпиграмму смешной.¹¹⁶ Бекби же попросту говорит, что это имя нам неясно.¹¹⁷

Нам кажется, что Паллад не бросает игру с грамматической традицией в первом стихе, а доводит её до конца. Хотя современные историки языка объясняют гомеровские формы вроде δῶ или κρῖ, о которой мы говорили выше, по-разному — δῶ рассматривается или как «чистый корень» δῶμα, или как наречное образование,¹¹⁸ а κρῖ — как номинатив от основы *κρῖθ-, результатом расширения которой стало κρῖθή,¹¹⁹ античная филология единодушно считала их результатом апокопы, т.е. отсечения последнего слога. Вообще античные грамматики большую часть изменений и нерегулярных (как действительно, так и по их мнению) форм зачастую объясняли добавлением или исчезновением тех или иных звуков, порой предлагая самые удивительные словообразовательные цепочки. Для такого исчезновения было три основных термина: афереза, синкопа и апокопа, соответствующие выпадению звука (-ов) в начале, середине и конце слова. Апокопа и синкопа сплошь и рядом применяются для объяснения форм, встречающихся у Гомера, притом гомеровское δῶ, как кажется, это

¹¹⁵ Schröder 137.

¹¹⁶ Coll. Budé III, 172.

¹¹⁷ Beckby I, 688.

¹¹⁸ LfgE s. v. δῶ (W. Beck).

¹¹⁹ LfgE s. v. κρῖ (G. Markwald).

канонический пример апокопы,¹²⁰ а слово κρῑ, о котором мы упоминали выше (в связи с XI, 383), объясняется сразу двумя способами - через синкопу (κρίμνον) или апокопу (κριθή).¹²¹ Синкопой объяснялись не только те случаи, в которых мы говорим о ней и сегодня — как та же форма ἄνθετο из нашей эпиграммы, кстати говоря — но чуть ли не всё подряд: так, этимология ψυχή объясняется через φύσις и ἔχω (φυσιοχή > πυσιοχή > ψυχή),¹²² σφοῦ представляется синкопированным σφετέρου, форма μίστυλλον возводится к μείως ἔτιλλον¹²³ и т. д.

Продемонстрировав, как ученый поэт запикивает в гекзаметр кучу названий предметов вооружения ценой жестоких апокоп, Паллад в пентаметре ставит его перед новой задачей — уместить на прокрустово ложе гротескно длинную характеристику посвятившего; и здесь на помощь приходят столь же утрированно-нелепые синкопы. Мы согласны с Якобсом и другими, что вторая часть имени представляет собой синкопированное *primipilarius* > *prilarius*. О том же, что означает первая его часть, мнения расходятся (старые издатели даже предлагали конъектуры: например, Якобс упоминает, что Бродей исправил на γοργονπριάριος, «продавец щитов»), и осторожно предполагает Γοργοπριλιάριος с усилительным γοργο-,¹²⁴ однако не меняет ничего в издании, сохраняя рукописный текст. Он считает, что Гордио- это имя собственное, и, судя по всему, с ним так или иначе согласны прочие комментаторы. Однако, на наш взгляд, оно отсылает не к довольно редкому вне династии фригийских царей

¹²⁰ Ἐλλειψίς ἐστὶ λέξις οὐ κατὰ τὸ πλήρες ἐξηγηγεμένη, γίνεται δὲ κατ' ἀρχὴν, κατὰ μέσον, κατὰ τέλος, οἷον ἀφαίρεσις, συγκοπὴ καὶ ἀποκοπή. κατ' ἀρχὴν μὲν, οἷον λείβειν εἴβειν, κατὰ μέσον, οἷον μονώνυχας μώνυχας, κατὰ δὲ τὸ τέλος, δῶμα δῶ. (Triphon. Περὶ τρόπων vol. III, p. 198 Spengel)

¹²¹ «κρί ἢ κριθή διὰ τοῦ ι γράφεται. γέγονε δὲ ἀπὸ τοῦ κριθή κατὰ ἀποκοπὴν τῆς θη συλλαβῆς ἢ ἀπὸ τοῦ κρίμνον τοῦ σημαίνοντος τὸ παχὺ τοῦ ἀλεύρου ὁμοίως κατὰ συγκοπὴν κρί». (Herodian. GG III.2. P. 538)

¹²² Eusth. *Comm. in Il.* vol. I, p. 26 van der Valk.

¹²³ *Sch. vet. in Il.*, I, 465a.

¹²⁴ Jacobs X, 243–244.

имени (в LGPN оно встречается три раза)¹²⁵, а к фригийскому же городу под названием Горδίου τεῖχος, жителей которого, согласно нормативному словоупотреблению, полагалось называть Горδιοτειχῖται.¹²⁶ Это экзотически-длинное название регулярно встречается в грамматических трактатах среди прочих, образованных по такой модели, причем в том числе как канонический пример; Паллад не мог не знать о нем. Таким образом, можно предположить, что наш герой — не «примипиларий по имени Гордий», а «примипиларий из Гордиотиха»; Горδιοπριλάριος — как бы синкопированное сокращение из Горδιο(τειχίτης) πρι(μι)πλάριος, которое ни в какой стих бы не поместилось. Цервес также считает, что речь идёт об этнохорониме, но связывает его появление с историей о Гордиевом узле: «как там был разрублен известный узел, так он поступает со словами».¹²⁷

Дополнительный блеск этой шутке придает метрический аспект. Вторая строка эпиграммы — это three-word pentameter, первая половина которого целиком заполнена одним словом. Это эффектный метрический изыск, к которому не раз прибегали греческие и римские элегики и эпиграмматисты; ему посвящена подробная статья М. Бернхардта «Die penthemimerischen Wortformen im griechischen und römischen Pentameter».¹²⁸ Бернхардт показывает, что подобного рода литературная игра становится популярна у поэтов-эпиграмматистов в особенности в римский период и часто включает как раз нарочно выдуманные слова и искусственно созданные словоформы. Сам Паллад использует её не только в нашей эпиграмме, но и в нескольких других, конструируя причастия γραμματικευσαμένω (IX, 169) и ἀντιοχευόμενος (XI, 284),

¹²⁵ LGPN IV, 82; Va, 114.

¹²⁶ Steph. Gramm. *Ethnica (epitome)*. P. 10 Meineke: Ἀβώνου τεῖχος, πόλις μικρὰ πρὸς τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ. ὁ πολίτης Ἀβωνοτειχίτης, ὡς Γορδιοτειχίτης τοῦ Γορδίου τεύχους.

¹²⁷ Zerwes 331–332.

¹²⁸ Bernhardt M. Die penthemimerischen Wortformen im griechischen und römischen Pentameter // *Philologus*. 1928. N. F. Bd 38. P. 10–34.

а также имя собственное Ἐρμολιθηκιάδας¹²⁹ — такие длинные имена собственные, как замечает Бернхард, часто употребляются в контексте насмешки над кем-либо. Целиком на двусловных пентаметрах построена эпиграмма историка Гегесандра Дельфийского, высмеивающая философов, которую приводит Афиней.¹³⁰

Но если первая половина пентаметра у Паллада занята минимумом слов (а именно одним), то первая половина гекзаметра, наоборот, максимумом — его начальные три стопы состоят из шести односложных слов подряд. Нарочитость этого приема выдают артикли (без которых вполне можно было бы обойтись, если бы Паллада хоть сколько-нибудь смущало нагнетание моносиллабов — но он, наоборот, стремится их нагнетать. Существуют два термина, имеющие непосредственное отношение к стихам такого рода — ὀλιγομερία и πολυμερία. Евстафий¹³¹ и Anonymus Ambrosianus¹³² используют эти термины, говоря о недостатках (κακία) эпического стиха, однако, как показал С. Бассетт,¹³³ работая с источником (очевидно, общим для обоих), они понимают его не до конца: оба они говорят об употреблении в стихе разного количества частей речи (μέρη τοῦ λόγου), а не просто слов. Судя по несоответствиям между гомеровскими примерами и предполагаемой интерпретации терминов ὀλιγομερία и πολυμερία через части речи, на самом деле эти термины относились к количеству слов в стихе. Это не значит, что комментаторы не обращали внимания на использование частей речи — например, в древности был известен

¹²⁹ Acc. pl.; AP XI, 353: дочь Гермолика спала с обезьяной, и теперь у нее родятся Гермопитекиады — образование такое же, как в Гордиоприларии: Гермолик + питек = Гермопитекиад.

¹³⁰ Athen. IV, 162 a–b.

¹³¹ Eusth. *Comm. in Il.* Vol. I. P. 554 van der Valk.

¹³² Studemund W. *Anecdota varia Graeca* / Schöll R., Studemund W. *Anecdota varia Graeca et Latina*. Vol. 1. Berlin, 1886. P. 215 (περὶ τῶν κακομέτρων στίχων, §2).

¹³³ Bassett S. E. ΟΛΙΓΟΜΕΡΙΑ and ΠΟΛΥΜΕΡΙΑ // *Classical Philology*. 1917. Vol. 12. P. 97–101.

стих из «Илиады» (20, 59), содержащий все части речи.¹³⁴ Таким образом, гротескный контраст между первой и второй строкой эпиграммы VI, 85, создаваемый и намеренно усиливаемый Палладом, это не просто удачная находка — она имеет корни в школьно-грамматических наблюдениях над гомеровской метрикой. Нам кажется уместным обратить внимание также на градацию, встречающуюся в первом стихе нашей эпиграммы: три наименования оружия расположены по убыванию числа слогов в них (ἀσπίδα—δόρυ—κρῆ). Градации у Гомера замечает и хвалит, например, Евстафий,¹³⁵ так что и тут мы, возможно, сталкиваемся с неявной, но отсылкой к той же традиции.

Наконец, последнее слово эпиграммы пока остается для нас проблемой без ответа. Игра с корнем θεός, отмечаемая многими, по-видимому, действительно присутствует, однако этого недостаточно для завершения шутки — получится, что кто-то приносит дары реальному лицу, а не богу, и дальнейшего развития эта идея не получает. А. Кэмерон¹³⁶ считает вероятным отождествление Тимофея с Тимофеем, патриархом Александрии, указывая в том числе на отсылки в эпиграммах Паллада к Теофилу, его преемнику. Впрочем, не совсем ясно, почему это должно быть смешно — если мы не предполагаем здесь какой-то конкретной истории, связанной с Тимофеем и до нас не дошедшей, что маловероятно: в контексте тонкой литературной игры

¹³⁴ Напр., Eusth. *Comm. in Il.* XX, 59: Τὸ δὲ «πρὸς δέ με τὸν δύστηνον ἔτι φρονέοντ' ἐλέησον» ἔξ ὀκτῶ τοῦ λόγου μερῶν συγκεκριότῃται, τυχὸν μὲν σκευωρηθὲν ἐπίτηδες ὑπὸ τοῦ ποιητοῦ, τυχὸν δὲ καὶ ἀπλῶς οὕτω συμπεσόν.

¹³⁵ Eusth. *Comm. in Il.* III, 181: "Ὅτι γλυκέως ὑπὸ Πριάμου τῷ βασιλεῖ προσφωνηθὲν τὸ «ὦ μάκαρ Ἄτρείδη, μοιρηγενές, ὀλβιόδαιμον» ἐπαινείται διὰ τὸ τὰς ἐν αὐτῷ λέξεις κατὰ τινα πρόοδον εὐτακτὸν ἀρξαμένας ἀπὸ μονοσυλλαβίας προσαύξεσθαι συλλαβικῶς κλιμακῆδὸν κατὰ προσθήκην ἀνάλογον τῇ ἀνόδῳ τοῦ φυσικοῦ χύματος τοῦ ἀριθμοῦ. μονοσύλλαβον μὲν γὰρ τὸ ὦ, δισύλλαβον δὲ τὸ μάκαρ, τριῶν δὲ συλλαβῶν τὸ Ἄτρείδη καὶ ἐξῆς ἕως πεντασυλλαβίας. ἔοικε δὲ Ὅμηρος τοιοῦτόν τι τεχνάσασθαι, εἰ καὶ κολοβόν, καὶ ἐν τῷ τοῦ Ἀλεξάνδρου σκώμματι τῷ «Δύσπαρι, γυναιμανές, ἠπεροπευτά». ἐνταῦθα γὰρ ἢ μὲν κατάρχουσα τῶν λέξεων τρισύλλαβος, ἢ δὲ μετ' αὐτὴν τετρασύλλαβος, πεντασύλλαβος δὲ ἢ ὑστέρα. καὶ μὴν καὶ τὸ «τοξότα, κέρ' ἀγλαέ, παρθενοπῖλα» τοιοῦτόν τι ἐστί.

¹³⁶ Cameron A. Notes on Palladas // *Classical Quarterly*. N. S. 1965. Vol. 15. P. 217.

упоминание реального лица, не имеющего особенного отношения к описываемой — и очевидно вымышленной — ситуации по меньшей мере неправдоподобно.

Второе чтение Τίμοθέου из Планудовского кодекса, сочувственно рассматриваемое Якобсом — хотя он его и не принимает, — также не дает новых возможностей понимания. Теоретически отчество посвятителю могло бы стоять в этой позиции, даже невзирая на отсутствие артикля, хотя для имени адресата она более типична. То, что в таком случае стихотворение лишится имени бога, которому сделан дар, тоже не так уж страшно (в шестой книге несколько десятков таких примеров); важнее, что у пародируемого Эвтолмия адресат посвящения назван, и если Паллад ввязывается с ним в состязание, мы вправе ожидать от него ответа и в этом пункте. Кроме того, такое чтение допустимо лишь в том случае, если считать Гордиоприлария личным именем — а мы постарались показать, что это не так; да и с точки зрения текстологии Τίμοθέου — *lectio facilior*. И, главное, смысл шутки всё равно не становится яснее. Нам хотелось бы видеть и здесь продолжение игры с сокращениями. Во время обсуждения доклада, посвященного этой эпиграмме, Н. А. Алмазова предложила вариант сокращенного Τίμοθέος θέφ — отлично вписывающийся в концепцию крайностей в сокращениях.

Ещё одно наблюдение, которое необходимо упомянуть, касается датировки нашей эпиграммы, дающей дополнительные сведения о времени жизни Паллада. Из тех данных об Эвтолмии, которыми мы располагаем, пусть они и немногочисленны, можно всё же сделать некоторые выводы. Сведений о личности Эвтолмия за исключением титула, указанного в леммах к его эпиграммам, у нас нет. Этот титул — *σχολαστικὸς ἰλλούστριος* (трижды; один раз просто *ἰλλούστριος*) — датируют «не раньше, чем V в. н. э.»¹³⁷ что приводит к определенному противоречию: по всем датировкам, даже менее радикальной, чем предложенная Вилкинсоном, время смерти Паллада приходится на самое начало V в.

¹³⁷ PLRE II s. v. Eutolmius.

Однако можно ли утверждать, что время получения Эвтолмием титула *scholasticus illustris* и время написания им эпиграмм совпадает? Самое раннее свидетельство о титуле ἰλλούστριος принадлежит ещё к началу IV в., а с 3/4 IV в. можно говорить о его широком употреблении.¹³⁸ Даже если взять в качестве *terminus post quem* 400 г, это будет означать только лишь то, что не ранее этого года Эвтолмий получил свой титул, а вовсе не то, что эпиграмма VI, 86 была написана в V веке — лемматист мог прокомментировать все его эпиграммы последним полученным титулом, даже если они были написаны Эвтолмием в молодости. Таким образом, приблизительное время написания эпиграммы сдвигается на несколько десятилетий и оказывается во второй половине (более вероятно — ближе к последней трети) IV в. н. э. Что касается Паллада, то при датировке Боуры, которая, впрочем, не особенно препятствовала даже помещению каких-то из его эпиграмм в начало V в., ничто не мешает нам быть достаточно свободными в определении даты написания эпиграммы VI, 85: она также оказывается примерно в последней трети IV в. Однако эти данные прямо противоречат датировке, предложенной Вилкинсоном, и бросают еще одну тень на предложенный им сдвиг дат жизни Паллада на 260–340 гг. н. э.

Интересная деталь образования в римском Египте — изучение латинского языка. Знание латыни было необходимым условием для того, чтобы занять высокий пост, так как латынь была языком юрисдикции и на ней велись все административные дела. В эпиграммах Паллада встречаются отдельные заимствования, попавшие в греческий путём транслитерации латинских слов, а также имена собственные очевидно латинского происхождения.¹³⁹ Интересна эпиграмма X, 44, содержащая игру слов, основанную на фонетическом сходстве вокатива *domine* и гомеровского инфинитива δόμεναι; Евстафий¹⁴⁰ цитирует её последнюю строку как слова «кого-то из древних».

¹³⁸ Berger A. *Illustris* // RE Bd 9 (1914). Sp. 1070.

¹³⁹ Список латинских слов и имён собственных приведен у Франке: Franke 83.

¹⁴⁰ Τὸ δὲ «δόμηναι» πέλαικταιί τινι παλαιῷ ἀτιμουμένῳ διὰ πενίαν ἐν τῷ εἰπεῖν· οὐκ ἔχω δόμνι, οὐδὲ γὰρ ἔχω δόμεναι (*Comm. ad. Hom. II. Vol. 4 p. 300 van der Valk*).

Ἦν ὁ φίλος τι λάβη, «δόμινε φράτερ» εὐθὺς ἔγραψεν·
 ἦν δ' αὖ μή τι λάβη, τὸ «φράτερ» εἶπε μόνον·
 ὄνια γὰρ καὶ ταῦτα τὰ ῥήματα. αὐτὰρ ἔγωγε
 οὐκ ἐθέλω «δόμινε», οὐ γὰρ ἔχω δόμεναι.

Если друг что-либо получит, то сразу же пишет «domine frater», а если ничего не получит, то напишет только «frater»: ведь и эти вот слова продажны. Но я не хочу <чтобы мне говорили> «domine», ведь мне нечего дать.

Паллад обращал внимание не только на «классический» язык, изучаемый в школе, но и на состояние греческого в его время. Латинские заимствования, например, становятся предметом шутки в IX, 502: поэт интересуется у неизвестного собеседника происхождением слова κόνδιτον, выдавая своё знание — как указывает в статье, посвящённой неологизмам у Паллада, К. Вилкинсон,¹⁴¹ — используя ниже форму σκεύασον = condito. Однако, как показала Дж. Веццози,¹⁴² объём данных недостаточен, чтобы делать далеко идущие выводы о том, в какой мере Паллад знал латынь, не говоря о том, как он относился к проникновению латинских слов в греческий.

¹⁴¹ Wilkinson K. Some Neologisms in the Epigrams of Palladas // GRBS. 2010. Vol. 50. P. 297.

¹⁴² Vezzosi 79–82, особ. 82.

Глава 3. Гомеровский материал

Жанровые особенности эпиграммы делают её склонной к обилию гомеровских слов и выражений; юмористическое же использование эпического материала достигает своего расцвета в период империи, когда писал Лукиллий, оказавший значительное влияние на нашего поэта.¹⁴³ Как показывает А. Сенс в своей статье, посвящённой Гомеру у Лукиллия, шутка зачастую заключается не в самом эпическом регистре, не соответствующем юмористическому тону эпиграммы, но в реинтерпретации гомеровских сюжетов и намеках на традицию, которая стоит за ними.¹⁴⁴ Л. А. Гишар в статье, посвященной рецепции Гомера в эпиграмме I–IV вв. н. э., также анализирует подход Лукиллия к гомеровскому тексту. По его мнению, Гомер остаётся для Лукиллия непререкаемым авторитетом, но поэт отказывается присоединяться к принятой традиции и, например, превращает всем известную отсылку к моменту узнавания Одиссея верным псом Аргосом в подобие риторической парафразы в стихах — не оставляя ни одного дословного совпадения с гомеровским текстом (XI, 77).¹⁴⁵ Многие из этих наблюдений релевантны также и при разговоре о Гомере у Паллада. В его эпиграммах гомеровский текст используется в основном в целях создания иронического контраста и может обыгрываться с разных сторон. Тот же Гишар делит «гомеровские» эпиграммы нашего поэта на три группы: «erudite, satirical-parodic and poetical-lexical». Последние интересуют нас только в той мере и в тех случаях, когда дополняют игру с грамматической традицией; первые две, на наш взгляд, зачастую пересекаются — именно сочетание пародии с отсылкой к оригинальной интерпретации,

¹⁴³ На лексические и сюжетные параллели указывает Л. А. Гишар: *Guichard L. A. Homer in Greek Epigram...* P. 9–10.

¹⁴⁴ *Sens A. Notes on Homeric Humor in Lucillius // Homère revisité. Parodie et humour dans les réécritures homériques. Actes du colloque international, Aix-en-Provence 30-31 octobre 2008. Besançon : Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2011. P. 179.*

¹⁴⁵ *Guichard L. A. Homer in Greek Epigram...* P. 5.

редкому контексту и т. д. является отличительной чертой творчества поэта-эрудита.¹⁴⁶

Можно выделить несколько приёмов, особенно любимых эпиграмматистами. Самый простой из них — использование гомеровского слова или отсылки к Гомеру в неожиданном контексте, дополняющее шутку. У Паллада он виден в эпиграмме VI, 61:

Ἦ ζυρὸν οὐράνιον, ζυρὸν ὄλβιον, ᾗ πλοκαμίδας
 κειραμένη πλεκτὰς ἄνθετο Παμφίλιον,
 οὐ σέ τις ἀνθρώπων χαλκεύσατο, παρ δὲ καμίνῳ
 Ἦφαίστου χρυσέην σφῦραν ἀειραμένη
 ἠ λιπαροκρήδεμνος, ἴν' εἴπωμεν καθ' Ὅμηρον,
 χερσί σε ταῖς ἰδίαις ἐξεπόνησε Χάρις.

О небесная бритва, счастливая бритва, отрезав которой заплетенные волосы, Памфилион принесла их <в храм>, тебя выковал не кто-то из людей, но возле горна Гефеста, подняв золотой молот, Харита с блестящей повязкой — чтобы сказать согласно Гомеру — сотворила тебя собственными руками.

Эпиграмма развивает сюжет предшествующей ей в Антологии, более простой VI, 60, об авторстве которой спорят.¹⁴⁷ в ней говорится о той же девушке Памфилион, принесшей в жертву Исиде золотые локоны.

¹⁴⁶ О применении специальных филологических знаний в эпиграмме пишет Е. Систаку: *Sistakou E. Glossing Homer: Homeric Exegesis in Early Third Century Epigram // Bing P., Bruss J. J. (eds.). Brill's Companion to Hellenistic Epigram. Leiden—Boston, 2007. P. 391–408.*

¹⁴⁷ А. Кэмерон доказывает, что VI, 60, не содержащая ничего оригинального ни в отношении языка, ни в трактовке сюжета, не принадлежит Палладу: *Cameron A. Notes on Palladas // Classical Quarterly. N. S. 1965. Vol. 15. P. 216–217.* С ним спорит Х. Уайт (*White H. Notes on Palladas // Myrtia. 1998. Vol. 13. P. 228–229*), однако её аргумент — «Паллад в VI, 61 разрабатывает тему более широко, отсылая к эпитету Афродиты Οὐρανία и к месту из Гомера» — кажется поддерживающим скорее противоположную точку зрения. Как верно указывает Кэмерон, было бы странно предположить, что Паллад сначала написал банальную посвятельную эпиграмму, а потом спародировал сам себя.

Юмористический перенос восхваления с локона, принесенного в храм, на отрезавшую его бритву, дополняется словами о Харите с эпитетом *λιπαροκρήδεμνος*. Этот эпитет встречается единственный раз у Гомера (*Il.* 18, 382) и дважды в гомеровском гимне к Деметре (25; 459) — но к Харите относится только в отрывке из «Илиады», где она является супругой Гефеста (согласно *Hes. Theog.* 945, это Аглая). На это место, очевидно, и намекает здесь Паллад. Отметим парентезу *ἴν' εἴπωμεν καθ' Ὀμηρον*: это частый приём, который позволяет поэту дистанцироваться от используемого им эпического материала;¹⁴⁸ в других эпиграммах он усиливает «спор» с интерпретаторами Гомера (см. ниже).

У Паллада мы можем встретить и «чистое» использование гомеровского или гесиодовского языка. Так, эпиграмма против женщин IX, 165, в которой Паллад апеллирует к Гомеру, чтобы доказать, что хороших женщин не существует, «набита» выражениями, взятыми из эпоса и других школьных текстов: (1–2) *γυνὴ πῦρὸς ἀντιδοθεῖσα / δῶρον, ἀνιρὸν τοῦ πῦρὸς ἀντίδοτον* (cf. *Hes. Op.* 57–58); (5) *χρυσόθρονον Ἦρην*; (6–7) *ἠέρι καὶ νεφέλησι / μετήροιν*; (10) *ἐν χρυσέῳ <...> δαπέδῳ* и др.¹⁴⁹ Отчасти это делает эпиграмму смешнее, отчасти даёт автору возможность продемонстрировать свою начитанность и умение применить язык эпоса для своих целей. В юмористическом ключе без дополнительных аллюзий используется популярное высказывание *ἄπὸ δρυός οὐδ' ἄπὸ πέτρης*, восходящее к Гомеру (*Od.* XIX, 163), в высмеивающей подкаблучника эпиграмме X, 55: ты утверждаешь, что не повинуешься жене, но на самом деле тебе просто повезло, что она не так сурова — ведь ты «не из дуба и не из камня», т. е. такой же, как все другие.

Выходя на следующий уровень, игра с эпическим языком использует уже не отдельные слова и выражения, а целые цитаты. Литературные игры с ними

¹⁴⁸ Ср. XI, 239, 1 (*Lucill.*). Гишар приводит параллель с прологом к «Венку» Мелеагра: *Guichard L. A. From school...* P. 7.

¹⁴⁹ Подробный разбор отсылок в этой эпиграмме и IX, 167 приводит Л. А. Гишар: *Guichard L. A. From school...*

были неотъемлемой частью застольных развлечений, и гомеровская пародия занимает здесь важное место. У Лукиллия эта традиция сама по себе становится объектом насмешки. Подтрунивая над учениками Аристарха (XI, 140), он говорит: μή με βάλης κατὰ λέξιν «ἔλωρ καὶ κύρμα γενέσθαι» / σήμερον οὐ δειπνῶ «μῆνιν ἄειδε, θεά» (не кидай меня дословно¹⁵⁰ «стать пленом и добычей»: сегодня я не ем «гнев, богиня, воспой»), почти дословно цитируя вторую половину гомеровского стиха *Il.* V, 488 в 5-м стихе и заканчивая избитым «гнев, богиня, воспой».

Разбирая насмешки Лукиллия над грамматиком Гелиодором в XI, 134 и XI, 137 А. Сенс приходит к выводу, что использование в них гомеровских цитат не является самоцелью, а намекает на любовь Гелиодора писать многочисленные стихи, «сшивая» куски из гомеровских поэм.¹⁵¹ В Антологии есть три коротких гомеровских центона (IX, 361; 381; 382). Среди эпиграмм Паллада есть две, использующие комбинации гомеровских цитат. В X, 41 свидетельства, взятые из Гомера, служат убеждению в том, что и в трауре нельзя отказываться от пищи: Ἔσθιε, πῖνε, μύσας ἐπὶ πένθεσιν· οὐ γὰρ ἔοικεν / γαστέρι πενθῆσαι νεκρόν, Ὅμηρος ἔφη· / καὶ γὰρ ὁμοῦ θάψασαν ὀλωλότα δώδεκα τέκνα / σίτου μνησαμένην τὴν Νιόβην παράγει (Ешь, пей, молчи о горестях: ведь не подобает желудку печалиться о мертвых, сказал Гомер: ведь и похоронившую двенадцать погибших одновременно детей Ниобу <он> выводит вспомнившей о хлебе). Первое взято из *Il.* XIX, 225: γαστέρι δ' οὐ πῶς ἔστι νέκυν πενθῆσαι Ἀχαιοῦς. Второе — σίτου μνησαμένην τὴν Νιόβην — напоминает об утешении для потерявшего сына Приама в *Il.* XXIV, 602–613, в начале и конце которого о Ниобе говорится, что она «вспомнила о еде» (602: ἐμνήσατο σίτου, 613: σίτου μνήσατ'). Гишар показывает,¹⁵² что Паллад не первым

¹⁵⁰ По мнению Гишара (*Homer in Greek Epigram...* P. 3–4), выражение κατὰ λέξιν намекает на неспособность грамматиков к вариации, а в XI, 77 (см. выше). Лукиллий показывает, как он сам работает с гомеровским материалом. Однако утверждение, что Лукиллий говорит об отсутствии у грамматиков права на тексты Гомера, кажется нам необоснованным и не находит параллелей.

¹⁵¹ *Sens A. Op. cit.* P. 185–186.

¹⁵² *Guichard L. A. From School...*

поставил эти две цитаты рядом: у Лукиана (*De luctu* 24) они приводятся как распространенное средство утешить скорбящих и дать им повод прикоснуться к трапезе на погребальном пиру без угрызений совести — и тоже не вполне серьезно.

Другая эпиграмма (IX, 395), в которую Паллад искусно вплетает две цитаты, на этот раз из «Одиссеи» (IX, 34 и I, 58), имеет отношение к традиции аллегорического толкования Гомера.

«Ὡς οὐδὲν γλύκιον ἦς πατρίδος», εἶπεν Ὀδυσσεύς·
 ἐν γὰρ τοῖς Κίρκης ἔκχυτον οὐκ ἔφαγεν,
 οὗ μόνον εἰ καὶ καπνὸν ἀποθρόσκοντ' ἐνόησεν,
 εἶπεν ἂν οἰμώζειν καὶ δέκα Πηνελόπαις.

«Слаще нет ничего отчизны», — сказал Одиссей: ведь он среди угощений Кирки не съел ἔκχυτον, от которого если бы он увидел даже один только восходящий дым, то и десятку Пенелоп сказал бы горевать сколько угодно.

Одна из популярных разновидностей риторических упражнений заключалась в имитации прямой речи того или иного героя — «τί ἂν εἶποι герой Α в ситуации Β...» В Антологии есть целые серии эпиграмм, представляющих такие упражнения;¹⁵³ в одной из них, анонимной IX, 458, цитата «Ὡς οὐδὲν γλύκιον ἦς πατρίδος οὐδὲ τοκήων» завершает портрет Одиссея. Хотя эта эпиграмма и датируется позже рассматриваемой нами, А. Кэмерон показывает, что источником обеих является риторическая школа,¹⁵⁴ и нет причин сомневаться в том, что Паллад пародирует две цитаты, часто употреблявшиеся поэтами и риториками в возвышенном контексте.¹⁵⁵

¹⁵³ Wifstrand A. Von Kallimachos zu Nonnos. Lund, 1933. P. 170.

¹⁵⁴ В качестве параллели он приводит цитату из ритора III в. Менандра (*Rhet. Graeci* III, 433 Spengel)

¹⁵⁵ Cameron A. Two Notes on the Greek Anthology (Anth. Pal. ix. 474, 395 and 458) // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1967. Vol. 14. P. 61.

В качестве источника нашей эпиграммы, как показывает в своём анализе Гишар,¹⁵⁶ следует рассматривать одну из интерпретаций мифа о Кирке, *Quaest. Nom.* 72 Buffière. В отличие от более популярного объяснения, которое напрашивается из самого гомеровского текста — Кирка была гетерой — в ней предполагается, что спутники Одиссея предались не похоти, а чревоугодию (γαστριμαργία); Кирка со своим κικέων становится кем-то вроде искусной поварихи. Паллад, безусловно, не принимает это объяснение всерьёз и, доводя до смешного, пародирует: дело не в том, что Одиссей повёл себя разумно, а в том, что Кирка не приготовила своего коронного блюда.¹⁵⁷ Цервес, относя эту эпиграмму к застольным, полагает, что название не имеет отношения к мифу — Паллад говорит о кушанье, приготовленном хозяйкой дома, вплетая в похвалу шутивную гомеровскую аллюзию.¹⁵⁸ В свете приведенных выше параллелей очевидна несостоятельность гипотезы Х. Уайт, которая пыталась защитить рукописное чтение Ὀμηρος (Ὀδυσσεύς — конъектура Гуго Гроция), восстанавливая несвойственный Палладу эротический подтекст,¹⁵⁹ связанный с мифом о любви Гомера к Пенелопе (Hermesian. *fr.* 7 Powell, 29–32; новый

¹⁵⁶ Ibid. P. 8–10.

¹⁵⁷ Что это за блюдо, между тем, неясно: и рукописное ἔμυτον, и предложенное Салмазием ἔγγυτον это редкие слова; хотя этимология в обоих случаях прозрачна, даже вопрос о том, блюдо это или напиток, остаётся спорным. Якобс (Jacobs X, 213) предполагает, что подразумевается некий афродизиак, и Кэмерон (см. выше) его поддерживает.

¹⁵⁸ Zerwes 249.

¹⁵⁹ Паллад действительно, насколько мы можем видеть, не только не пишет ни одной эпиграммы на любовную тематику, но и не прибегает к использованию Гомера в обценном контексте, хотя это и богатая почва для игры с гомеровскими цитатами и целыми пассажами (подробнее об играх такого рода см. *Sistakou E.* Mock Epic in the Greek Anthology // *Homère revisité. Parodie et humour dans les réécritures homériques. Actes du colloque international, Aix-en-Provence 30-31 octobre 2008.* Besançon : Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2011. P. 193–210).

комментарий к этому отрывку см. в статье К. Л. Каспера)¹⁶⁰ и считая слово ἔκχυτον эвфемизмом.¹⁶¹

Одним из аргументов Уайт является то, что в другой эпиграмме, более серьезной по тону и напоминающей скорее риторическое упражнение, Паллад использует более популярную интерпретацию Кирки как хитрой гетеры, которая встречается в том числе у Горация (*Ep.* I, 2, 23–25).¹⁶² Утверждать на этом основании, что и в IX, 395 Кирка должна вести себя как гетера, беспочвенно, однако эпиграмма X, 50 представляет интерес сама по себе:

Τὴν Κίρκην οὐ φημι, καθὼς εἶρηκεν Ὅμηρος,
 ἀντ' ἀνδρῶν ποιεῖν ἢ σῦας ἢ ἐ λύκους
 τοὺς αὐτῇ προσιόντας· ἑταίρα δ' οὔσα πανοῦργος
 τοὺς δελεασθέντας πτωχοτάτους ἐποίει·
 τῶν δ' ἀνθρωπέων ἀποσυλήσασα λογισμῶν,
 εἶτ' ἀπὸ τῶν ἰδίων μηδὲν ἔχοντας ἔτι
 ἔτρεφεν ἔνδον ἔχουσα δίκην ζῶων ἀλογίστων.
 ἔμφρων δ' ὦν Ὀδυσσεὺς τὴν νεότητα φυγῶν,
 οὐχ Ἑρμοῦ, φύσεως δ' ἰδίας ἐμφύοντα λογισμὸν
 εἶχε γοητείας φάρμακον ἀντίπαλον.

Я утверждаю, что Кирка, как сказал Гомер, не делала из мужей, приближавшихся к ней, ни свиней, ни волков:¹⁶³ будучи хитрой гетерой, она делала соблазненных самыми нищими. А лишив их человеческого разума, затем она кормила их у себя в загоне, уже не имеющих ничего собственного (sc.

¹⁶⁰ Casper C. L. *The Loves of the Poets; Allusions in Hermesianax fr. 7 Powell.* // Harder M. A., Pegguit R. F., Wakker G. C. (eds.) *Beyond the Canon.* Leuven — Paris — Dudley, MA, 2006. P. 23–24.

¹⁶¹ White H. *Op. cit.* 225–227.

¹⁶² Исчерпывающее перечисление мест, где можно встретить эту интерпретацию, приведено в Coll. Budé X, 57, n. 93.

¹⁶³ Hom. *Il.* 10, 433: ἢ σῦς ἢ ἐ λύκους ποιήσεται ἢ ἐ λέοντας.

человеческого), как того заслуживают неразумные звери. Одиссей же, будучи разумным и избежав юности¹⁶⁴, не у Гермеса, а у своей собственной природы нашёл разумение в качестве противодействующего ворожбе снадобья.

Дважды, в начале и конце эпиграммы, Паллад выражает своё несогласие с тем, что мы читаем у Гомера: Кирка — не волшебница, а лекарством от соблазна стал здравый смысл, а не помощь Гермеса. Обращение Паллада в двух эпиграммах к двум разным вариантам толкования мифа о Кирке показывает, как именно он использует гомеровский текст: Гомер и гомеровская традиция играют в его эпиграммах ту роль, которая удобна для решения поставленной поэтической задачи. Если выше он вступает с ними в (шуточный) спор, то в некоторых из мизогинических эпиграмм привлекает в качестве аргумента: Гомер «знал, <что женщина — зло>, когда писал о том, что Зевс гневается на супругу» (IX, 165), «показал, что всякая женщина дурна и обманчива» (IX, 166). Остановимся на последней несколько подробнее.

Πᾶσαν Ὅμηρος ἔδειξε κακὴν σφαλερὴν τε γυναῖκα,
 σώφρονα καὶ πόρνην ἀμφοτέρας ὄλεθρον.
 ἐκ γὰρ τῆς Ἑλένης μοιχευσαμένης φόνος ἀνδρῶν
 καὶ διὰ σωφροσύνην Πηνελόπης θάνατοι.
 Ἴλιὰς οὖν τὸ πόνημα μιᾶς χάριν ἐστὶ γυναικός, 5
 αὐτὰρ Ὀδυσσεΐη Πηνελόπη πρόφασις.

Гомер показал всякую женщину дурной и обманчивой, и скромную, и развратницу; обе — это гибель. Ведь из-за совершившей прелюбодеяние Елены <случилось> убийство мужей, и из-за целомудрия Пенелопы <были> смерти. Да и труд «Илиада» — это труд из-за одной женщины, ну а для «Одиссеи» предлогом была Пенелопа.

¹⁶⁴ Понимают по-разному. Пейтон (Paton IV, 29) считает, что речь идёт о неразумии юности; Дюбнер (Dübner II, 278) предлагает исправление κενότητα («levem futilemque libidinem»), на наш взгляд, излишнее.

До 5-го стиха особенных проблем не возникает: Паллад делает равно вредными развратную Елену и целомудренную Пенелопу, которые обе стали причиной гибели множества мужей, Елена — героев под Троей, Пенелопа — женихов. В стихах же 5–6 речь идёт уже не о событиях Троянской войны и не о возвращении Одиссея, а о произведениях (λόγῳ), написанных из-за одной и другой.¹⁶⁵ Почему Пенелопа — предлог для написания «Одиссеи»? Можно было бы предположить, что дело просто в том, что Одиссей стремился вернуться на родину к любимой жене; однако, во-первых, им двигала далеко не только любовь, а во-вторых, эта связь куда как менее очевидна, как в случае с Еленой и Троянской войной. Видеть связь с легендой о том, что Гомер был влюблен в Пенелопу, о которой говорилось выше, более логично, чем при разговоре о IX, 395 — в таком случае Пенелопа это повод для Гомера написать поэму; создающаяся таким образом *variatio* (в Елену Гомер не был влюблён) украшает стих.

Остаётся ещё одна трудность: если смерть славных мужей действительно является поводом для расстройств, то что плохого в том, что мы получили две эпические поэмы, «Илиаду» и «Одиссею», которые иначе не были бы написаны? Скиадас не видит решения, которое не приводило бы к изменению текста — он предлагает или закончить эпиграмму 4-м стихом, а 5–6 считать противоречащей ей интерполяцией, или постулировать выпадение ещё нескольких строк перед последним дистихом, которые служили бы «мостом» к ней.¹⁶⁶ Нам кажется, однако, что никакие изменения в тексте не необходимы, а разгадку такого несоответствия следует искать в общем подходе Паллада: может быть, для кого-то гомеровские поэмы и являются величайшей ценностью, но для грамматика они символизируют его тягостное ремесло. Как в IX, 169 причиной бедности грамматика стали — косвенно — поступки Париса

¹⁶⁵ Иначе считает Дюбнер (Dübner II, 181), говоря, что и здесь речь идёт о событиях обеих поэм — однако в таком случае неясна цель повтора.

¹⁶⁶ *Skiadas A. Op. cit. S. 155.*

и Агамемнона, так и здесь в его несчастьях оказываются (косвенно) виноваты Елена и Пенелопа.

В эпиграмме IX, 484 мы снова видим гомеровский сюжет, но на этот раз он служит для понимания шутки, а не является объектом толкования сам по себе.

IX, 484

Ἀσκὸν τῶν ἀνέμων ἔλαβέν ποτε δῶρον Ὀδυσσεὺς

πόντον ἐπιπλείων· χρῆμα γὰρ ἦν τι μέγα.

Ἄλλ' ἐμὸς Αἰόλος οὗτος ἔχων ἀνεμόλιον ἦτορ,

ῥνεον ἐκπέμπει τῶν ἀνέμων γεμίσας.

Πνεύματά μοι πτερόεντα, φίλος, ἴκαίῃ πνεύματα πέμπεις·

5

οὐ δύναμαι δὲ φαγεῖν θλιβομένους ἀνέμους.

Одиссей некогда получил в дар мешок ветров, плавая по морю; а ведь это было кое-что нужное. А этот мой Эол, имея пустое сердце,¹⁶⁷ посылает птицу, наполнив <её> ветрами. Друг, ты посылаешь мне пернатые дуновения, ...¹⁶⁸ дуновения посылаешь, но я не могу питаться стесненными ветрами.

В этом стихотворении, которое можно с некоторыми оговорками встроить в ряд эпиграмм, посвященных неудачным подаркам (в особенности съедобным)¹⁶⁹, Паллад объединяет вымышленный «случай из жизни» и всем известный эпизод из начала X песни «Одиссеи» — безусловно, школьное место. Игра слов строится на нескольких уровнях. С одной стороны, это уже

¹⁶⁷ Эта же конструкция (ἔχων + adj. + ἦτορ) встречается еще раз у Паллада в эпиграмме VII, 683, где применяется для негативной характеристики Гессия - загадочного персонажа, который, как выводят исследователи из серии посвященных ему эпиграмм (все они принадлежат Палладу), погиб, стремясь занять излишне высокий пост (см. Bowra C. M. The Fate of Gessius. P. 91–95).

¹⁶⁸ В пятом стихе несомненна порча текста: засвидетельствованное в рукописях καί бессмысленно, предложенное Скалигером καί ситуацию не исправляет. Якобс (Jacobs X (=comm. II.2), 209) меняет καί на κένα, и хотя многим это исправление кажется наиболее осмысленным, проблема не решена. Подробный аппарат см.: Stadtmüller III.1, 479–481.

¹⁶⁹ Обзор эпиграмм о плохой еде или вине: Brecht, Fr. J. Op. cit. S. 74–75.

привычное для нас упоминание гомеровского сюжета и употребление гомеровских цитат: *πόντον ἐπιπλείων* (cf. *Hom. Od. V, 284*), *πτερόεντα* в неожиданном сочетании — *πνεύματα πτερόεντα* (отметим аллитерацию: четыре из семи слов начинаются с *π*-, к ним присоединяется и *φίλος*). С другой, многократно повторенное слово *ἄνεμος* и образованное от него, и тоже гомеровское, *ἀνεμώλιος*, которые и заключают в себе соль шуток.

Главные вопросы, возникающие перед нами — о какой «птице, наполненной ветрами», идёт речь и чем именно плох такой подарок. Традиционное толкование предполагает, что птица просто пуста, т. е. не нафарширована. Так считает Цервес: «mit Winden gefüllten (d. h. leeren) Vogel»;¹⁷⁰ не поясняя, сходным образом переводят это место Бекби¹⁷¹ и Пейтон.¹⁷² Рассуждая об ожиданиях получателя подарка, говорит о фаршированной птице и Якобс: «in avem, vento pro farto inflatam».¹⁷³ Гапакс *σιτεύσιμων*, встречающийся в лемме к этой эпиграмме в Антологии (*εἰς τινα αὐτῷ πέμψαντα σιτεύσιμων*), Вальц пытается интерпретировать как «фаршированное кушанье»,¹⁷⁴ однако вывод, который он делает из ссылки на пародийный эпос Матрона, судя по всему, ошибочен, а продуктивность модели образования прилагательных на *-σιμος* наводит на мысль, что *τὸ σιτεύσιμων* означает просто «угощение».¹⁷⁵ Цервес, верный своей любви к истолкованию всякой эпиграммы Паллада как отчёта о реальном жизненном происшествии,

¹⁷⁰ Zerwes 246.

¹⁷¹ Beckby III, 299.

¹⁷² Paton III, 271.

¹⁷³ Jacobs X, 209.

¹⁷⁴ Coll. Budé VIII, 220. Указанное место из Матрона (*fr. 5, 2 Olson–Sens = Athen. 656e*) — фрагмент из трех стихов, где описываются поданные на стол *ῥογιθες σιτεύται*. Однако комментарий Олсона и Сенса понимает это словосочетание как «откормленные птицы», приводя многочисленные параллели: *Olson S. D., Sens A. Matro of Pitane and the Tradition of Epic Parody in the Fourth Century BCE: Text, Translation and Commentary, Atlanta 1999. P. 148.*

¹⁷⁵ *Buck C. D., Petersen W. A Reverse Index of Greek Nouns and Adjectives. Chicago 1948. P. 185.*

красочно описывает разочарование поэта, который вскрыл птицу «in der berechtigten Erwartung, in seinem Inneren allerlei gute Sachen zu finden».¹⁷⁶ Однако, хотя повара римской эпохи и любили фаршировать птиц, такое предположение во многом не соотносится ни со здравым смыслом, ни со внутренней логикой эпиграммы.

Нам кажется, что главной целью комментатора должен стать анализ литературной игры, которую затевает поэт. Для восстановления хода ассоциаций, которого мог ожидать от читателя Паллад, идея о том, что подаренная птица оказалась пустой вместо того, чтобы содержать какую-то начинку, не подходит, как бы ни был притягателен образ фаршированного дрозда. Ведь птица не пуста, а набита, что и делает её похожей на мешок, который Одиссей получил от Эола. Птица же, в которую, вопреки ожиданиям, не положили фарш, не годится для такого сравнения.

Мы предлагаем другое понимание: полученная в дар птица на самом деле надута воздухом, что перекликается с мешком ветров Эола. Обратим также внимание на эпиграмму XI, 486, которую издавна ставят в параллель с нашей. В ней речь идёт о колбасе (*λαπάρα*¹⁷⁷), которую даритель «сам завязал», а раб, открыв, обнаружил, что это — наполненный ветром мех. Комментаторы справедливо указывают, что такая «колбаса», очевидно, не содержала мяса — но для того, чтобы лже-колбаса без начинки осталась похожей на настоящую, её необходимо надуть, надувание же птицы приведет к тому, что она будет казаться больше. Такое толкование можно было бы предположить и исходя из общих соображений; однако от внимания комментаторов ускользнуло, что практика надувания птиц торговцами засвидетельствована.¹⁷⁸ В «Птицах»

¹⁷⁶ Zerwes 246.

¹⁷⁷ Значение «колбаса» восстанавливается из контекста.

¹⁷⁸ Параллель с Аристофаном, неизвестную и его комментаторам, отметила Н. А. Кузнецова; её экскурс о практике надувания птиц в античности см. в: Кондакова Д., Кузнецова Н. АР. 9, 484: История о надувательстве // Фестшриффт Е. В. Желтовой. СПб, 2015 (машинопис.) С. 35–37.

Аристофана хор, основавший свой город, перечисляет людей, которые будут объявлены в розыск за преступления против птиц (стт. 1076–1083):

Βουλόμεσθ' οὖν νῦν ἀνειπεῖν ταῦτα χήμεῖς ἐνθάδε·
 «Ἦν ἀποκτείνῃ τις ὑμῶν Φιλοκράτη τὸν Στρούθειον,
 λήψεται τάλαντον, ἦν δὲ ζῶντα γ' ἀγάγῃ, τέτταρα,
 ὅτι συνείρων τοὺς σπίνους πωλεῖ καθ' ἑπτὰ τοῦ βολοῦ,
εἶτα φυσῶν τὰς κίχλας δείκνυσι καὶ λυμαίνεται,
 τοῖς τε κοψίχοισιν εἰς τὰς ῥῖνας ἐγχεῖ τὰ πτερά,
 τὰς περιστεράς θ' ὁμοίως ξυλλαβὼν εἴρξας ἔχει,
 κἀπαναγκάζει παλεύειν δεδεμένας ἐν δικτύῳ.»

Итак, вот и мы хотим вам сейчас здесь объявить: / «Если кто-нибудь из вас убьет Филократа-воробушка, / получит талант, а если приведет живьем, — четыре, / ведь он, поймав зябликов, продает по семь за обол, / а еще, надув дроздов, выставляет на продажу и издевается, / а черным дроздам втыкает перья в ноздри, / а голубей, собрав всех вместе, держит взаперти, / и принуждает их, связанных в силках, заманивать других». (пер. Н. Кузнецовой)

Параллель между Аристофаном и Палладом показывает, что практика надувания птиц засвидетельствована. Интересно указание на точно такой же прием, распространенный у рыночных торговцев, которое мы встречаем в поваренной книге Е. Авдеевой (конец XIX — начало XX в.) в качестве предостережения покупательницам.¹⁷⁹ Видно, что надутая птица — это то, что можно было встретить на рынках и в древности, и сегодня. Однако зачем

¹⁷⁹ «К числу обманов в торговле живностью принадлежит “надувание”, которое и составляет настояще “надувательство”. Дело в том, что мелочник-продавец, преимущественно торгующий не в лавке, а в разнос или на Сенной, — этом обширном поле всяких фокусов съестной торговли, — купив тощую птицу, старается пустить её в продажу “казовым концом”, а для этого надувает эту птицу, т. е. вводит вовнутрь ея, через заднее отверстие, воздух и зашивает отверстие с некоторым искусством и маленьким фокусничеством». Авдеева Е., Маслов Н. Поваренная книга русской опытной хозяйки. Руководство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. СПб, 1912⁵. С. 22. Ссылкой на эту цитату мы обязаны А. В. Черновской.

посылать такой подарок?

Предполагаемая комментаторами интрепретация — птица не нафарширована — делает дарителя или на редкость неудачным шутником, или попросту жадным человеком (так понимает Гуго Гроций, добавляя в переводе нашей эпиграммы эпитет *largus*).¹⁸⁰ Но у нас есть прямое указание на его характер — ἔχων ἀνεμόλιον ἦτορ¹⁸¹ — которое плохо соотносится с таким представлением.

Безусловно, эпитет ἀνεμόλιος, встречающийся у Гомера и других эпиков, употребляется только для негативной оценки. Когда речь идет о вещах, ἀνεμόλιος имеет значение ‘пустой’, ‘беспольный’.¹⁸² Единственный случай, когда у Гомера этот эпитет относится к одушевленному существительному — *Il.* XX, 123: Гера называет ἀνεμόλιοι богов, помогающих троянцам. *LSJ* цитирует это место как иллюстрацию значения ‘empty boasters’¹⁸³. Обязательно ли такое толкование? Многие переводчики и комментаторы Гомера оставляют этот пассаж без внимания, не отмечая какого-либо особенного значения, и видят в этом случае всё то же ‘беспольный’. Таким образом, трудно считать этот контекст достаточно весомым аргументом.

Для нашего случая важно гомеровское выражение ἀνεμόλια βάζειν: ‘говорить о том, чего не знаешь’, причем не намеренно вводя собеседника в заблуждение.¹⁸⁴ Интересная параллель отыскивается в эпиграмме Македония

¹⁸⁰ Dulichius quondam ventorum accepit utrem, / Quo mare transiret : nec leve munus erat. / Aeolus at meus hic, vento cui, credo, tumet cor, / Ventorum tumidam dat mihi largus avem. / Quid mihi das, quaeso, volucres, nihil amplius, aras? / Crede, meus non sunt flamina pressa cibus (цит. по: Dübner II, 100).

¹⁸¹ Эта же конструкция (ἔχων + ἦτορ) встречается еще раз у Паллада в эпиграмме VII, 683, где применяется для негативной характеристики Гессия.

¹⁸² Феокрит (25, 239) употребляет его так, очевидно, взяв из Гомера: клаузула ἀνεμόλιος αὐτως отсылает к *Il.* 21, 474, а двумя строками выше мы видим прилагательное ἐτώσιος, обладающее аналогичным значением. См. *Gow A. S. F. (ed.) Theocritus. Vol. 2. Cambridge, 1965. P. 468.*

¹⁸³ *LSJ* s. v. ἀνεμόλιος.

¹⁸⁴ *Levet J.-P. Le vrai et le faux dans la pensée grecque archaïque: étude de vocabulaire. T. 1. Paris, 1976. P. 226–227.* У Гомера выражение встречается дважды, оба раза герой отказывается сообщать недостоверные сведения, ссылаясь на то, что дурно ἀνεμόλια βάζειν.

Консула (*AP* XI, 61): больной жалуется на врача, который запретил ему выпивать: «он, ἀνεμώλιος, не знал, что Гомер назвал вино силой смертных». Из контекста видно, что этот врач — не злостный обманщик, а неуч (οὐδ' ἐδιδάχθη), не знающий, что вино придает людям силы. У Лукиана (*Astr.* 2, 9) о гонителях астрологии сказано, что они «οὐδέ μιν οὔτε ὑγίεια οὔτε ἀληθέα νομίζουσιν, ἀλλὰ λόγον ψευδέα καὶ ἀνεμώλιον». Здесь снова видно значение 'пустой', 'безосновательный', которое дополняет, но не заменяет 'ложный'.

Только Евстафий, поясняя стих Гомера *Il.* IV, 355 («...σὺ δὲ ταῦτ' ἀνεμώλια βάζεις»), в котором Одиссей называет упреки Агамемнона необоснованными, пишет: ψευδῆ λέγεις. Однако, как показывают контексты и многочисленные античные словари, синоним к ἀνεμώλιος — вовсе не ψευδής, такое значение не существует вне вполне определенного контекста, да и там часто есть определенные натяжки. Таким образом, практически невозможно видеть в поступке героя палладовской эпиграммы злой умысел и намеренный обман. Он точно не хвастун и вряд ли лжец. Нельзя также упускать из вида второй контекст, в котором Паллад употребляет слово ἀνεμώλιος — это эпиграмма, завершающая серию о Гессии (см. выше): VII, 688. Здесь эпитет применен к роду человеческому в целом: ὃ γένος ἀνθρώπων ἀνεμώλιον, αὐτοχόλωτον, / ἄχρι τέλους βίотου μηδὲν ἐπιστάμενον (стр. 3–4). Мы снова видим, что встроить лжеца в один ряд с 'ничего не знающим' и 'врагом самому себе' нельзя. Возможно, он витает в облаках, уподобленный наполненной ветром птице? Тогда — птица была куплена на рынке уже такой; Паллад сообщает другу, что его надули.

Заключение

Поскольку большая часть нашего исследования представляла собой разбор конкретных стихотворений, необходимости в развернутом заключении нет. В нашей работе мы проанализировали ряд эпиграмм Паллада, имеющих отношение к его ремеслу, через призму школьного и филологического взгляда на язык и хрестоматийные тексты, в первую очередь поэмы Гомера, и пришли к выводу, что систематическое обращение к античной грамматической традиции необходимо для более полного понимания текстов этого поэта.

Для некоторых эпиграмм такой подход — это единственный способ пролить свет на их значение, комментарий к другим может быть существенно обогащен с его помощью. Некоторые из школьных аллюзий у Паллада были уже замечены комментаторами, однако истолкованы слишком поверхностно. В работе мы впервые выделяем эпиграммы, написанные словно от лица пародийного грамматика и именно оттого становящиеся смешными.

Список использованной литературы

Издания античных авторов:

1. Aubreton R. (éd.) Anthologie grecque. T. X: Anthologie Palatine, Livre XI. Paris, 1972.
2. Beckby H. (ed.) Anthologia Graeca. Bd 1–4. München, 1957–1958.
3. Dübner Fr. (ed.) Epigrammatum Anthologia Palatina <...> Paris, 1864–1872.
4. Gow A. S. F. (ed.) Theocritus. Vol. 2. Cambridge 1965. P. 468.
5. Irigoien J., Maltomini F., Laurens P. (eds.). Anthologie Grecque. Anthologie Palatine. T. X. Paris, 2011.
6. Jacobs Fr. (ed.) Anthologia graeca sive poetarum graecorum lusus ex recensione Brunckii. Leipzig, 1794–1814.
7. Lamar Crosby H. (transl.) Dio Chrysostom. Discourses 37–60. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1946.
8. Olson S. D., Sens A. Matro of Pitane and the Tradition of Epic Parody in the Fourth Century BCE: Text, Translation and Commentary, Atlanta 1999.
9. Schröder A. Epigrammen. Uitgeverij Van Gorcum, 1998.
10. Stadtmüller H. Anthologia Graeca epigrammatum Palatina cum Planudea. Vol. 1–3. Leipzig, 1894–1906.
11. Waltz P. (éd.) Anthologie grecque. T. VII: Anthologie Palatine., Livre IX, épigr. 1–358. Paris, 1957.
12. Waltz P. (éd.) Anthologie grecque. T. III, : Anthologie Palatine, Livre VI. Paris, 1960.
13. Wilkinson K. New Epigrams of Palladas: A Fragmentary Papyrus Codex (P.CtYBR inv. 4000) (= American Studies in Papyrology. 2012. Vol. 52). Durham, NC 2012

Исследовательская литература:

14. Авдеева Е., Маслов Н. Поваренная книга русской опытной хозяйки. Руководство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. СПб, ⁵1912.

15. Ирмшер Й., Чернова И. С. (пер.) Паллад // Византийский Временник. Т. XI. 1956. С. 247–270.
16. Шульц Ю. Ф. Паллад Александрийский. Эпиграммы. // Византийский Временник. Т. 24. 1964. С. 259–289.
17. Albani M. G. Lukillios // NP 8 (2006) Sp. 503.
18. Allen W. S. Vox Graeca: A Guide to Pronunciation of Classical Greek. Cambridge, 1968.
19. Bassett S. E. ΟΛΙΓΟΜΕΡΙΑ and ΠΟΛΥΜΕΡΙΑ // Classical Philology. 1917. Vol. 12. P. 97–101.
20. Benelli L. Osservazioni sul P. Ct. YBR Inv. 4000 e sulla sua attribuzione a Pallada di Alessandria // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2013. Bd 193. S. 53–63.
21. Berger A. Illustris // RE Bd IX. 1914. Sp. 1070.
22. Bernhardt M. Die penthemimerischen Wortformen im griechischen und römischen Pentameter // Philologus. 1928. N. F. Bd 38. P. 10–34.
23. Bowra M. Palladas and Christianity // Proceedings of the British Academy. 1959. Vol. 45. P. 255–267.
24. Bowra C. M. Palladas on Tyche // Classical Quarterly. 1960. N. S. Vol. 10. P. 118–128.
25. Bowra C. M. The Fate of Gessius CR. 1960. 10.2 NS. P. 91–95
26. Brecht F. I. Motiv- und Typengeschichte des griechischen Spottepigramms. Philologus. Supplementbd 22, 2. Leipzig, 1930.
27. Buck C. D., Petersen W. A Reverse Index of Greek Nouns and Adjectives, Hildesheim 1984
28. Burton R. W. B. Pyndar's Pythian Odes. Essays in Interpretation. Oxford, 1962.
29. Cameron A. Notes on Palladas // Classical Quarterly. N. S. 1965. Vol. 15. P. 215–229.
30. Cameron A. Two Notes on the Greek Anthology (Anth. Pal. ix. 474, 395 and 458) // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1967. Vol. 14. P. 58–61.
31. Cameron A. The Greek Anthology from Meleager to Planudes. Oxford, 1993.

32. Cameron A. *Palladas: New Poems, New Date? / Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy*. Oxford, 2016. P. 91–112.
33. Casper C. L. *The Loves of the Poets; Allusions in Hermesianax fr. 7 Powell*. // Harder M. A., Pegtuit R. F., Wakker G. C. (eds.) *Beyond the Canon*. Leuven — Paris — Dudley, MA, 2006. P. 21–42.
34. Celentano M. S. *L'elogio della brevità tra retorica e letteratura: Callimaco, ep. 11 Pf. = A. P. VII 447 // Quaderni Urbinati di Cultura Classica*. 1995. Vol. 49 NS. P. 67–79.
35. Cribiore R. *Writing, Teachers, and Students in Graeco-Roman Egypt*. Atlanta, 1996.
36. Cribiore R. *Gymnastics of the Mind. Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton, 2001.
37. Cribiore R. *The Value of a Good Education: Libanius and Public Authority / Rousseau P. (ed.) A Companion to Late Antiquity*. Blackwell Publishing, 2009. P. 233–245.
38. Degani E. *Eutolmius Illustrius // NP IV (1998)*. P. 321.
39. Franke A. *De Pallada epigrammatographo*. Lipsiae, 1899.
40. Fraser P. M., Matthews E. *The Lexicon of Greek Personal Names*. Oxford, 1979–.
41. Floridi L. *Greek Skoptic Epigram and 'Popular' Literature: Anth.Gr. XI and the Philogelos // GRBS*. 2012. Vol. 52. P. 632–660.
42. Kalivoda G., Jens W., Barner W., Ueding G. (Hsgg.). *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*. Bd 4. Hu - K. Tübingen, 1998.
43. Kaster R. A. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in the Late Antiquity*. University of California Press, 1997.
44. Köhler C. S. *Das Tierleben im Sprichwort der Griechen und Römer*. Hildesheim, 1967.
45. Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik*. München, 1960.
46. Levet J.-P. *Le vrai et le faux dans la pensée grecque archaïque: étude de vocabulaire*. T. 1. Paris 1976.
47. Marrou H.-I. *Histoire de l'éducation dans l'Antiquité*. Paris, 1965.

48. Martindale J. R. (éd.). *The Prosopography of the Late Roman Empire*. II. Cambridge, 1980.
49. Mason H. J. *Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis*. Toronto, 1974.
50. Morgan T. *Literate Education in the Hellenistic and Roman Worlds*. Cambridge 1998.
51. Olck F. Esel // RE. Bd VI.1. Sp. 626–676.
52. Paton W. R. (ed.) *The Greek Anthology*. Cambridge (Mass.), 1916–1918.
53. Peek W. Palladas / RE Bd XVIII.3. 1949. Sp. 158–68.
54. Plastira-Valkanou M. A. P. 11.281 : A Satirical Epitaph on Magnus of Nisibis // *L'antiquité classique*. 2003. T. 72. P. 187–194.
55. Roscher W. (Hrsg.) *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. Bd 3.1. Leipzig, 1902.
56. Schwyzer E. *Griechische Grammatik*. Bd 2. München, 1988⁵.
57. Sens A. Notes on Homeric Humor in Lucillius // *Homère revisité. Parodie et humour dans les réécritures homériques*. Actes du colloque international, Aix-en-Provence 30-31 octobre 2008. Besançon : Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2011. P. 179-191.
58. Sistakou E. Glossing Homer: Homeric Exegesis in Early Third Century Epigram // Bing P., Bruss J. J. (eds.). *Brill's Companion to Hellenistic Epigram*. Leiden—Boston, 2007. P. 391–408.
59. Sistakou E. Mock Epic in the Greek Anthology // *Homère revisité. Parodie et humour dans les réécritures homériques*. Actes du colloque international, Aix-en-Provence 30-31 octobre 2008. Besançon : Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2011. P. 193–210
60. Skiadas A. D. *Homer im griechischen Epigramm*. Athen, 1965.
61. Stella L. *Cinque poeti dell'Anthologia Palatina*. Bologna 1949.
62. Studemund W. *Anecdota varia Graeca* / Schöll R., Studemund W. *Anecdota varia Graeca et Latina*. Vol. 1. Berlin, 1886.

63. Vezzosi G. Gli epigrammi gnomici e filosofici di Pallada di Alessandria. Tesi di dottorato. Salerno—Salamanca, 2011–2014.
64. Wifstrand A. Von Kallimachos zu Nonnos. Lund, 1933.
65. Wilkinson K. Palladas and the Age of Constantine // *The Journal of Roman Studies*. 2009. Vol. 99. P. P. 36–60
66. Wilkinson K. Some Neologisms in the Epigrams of Palladas // *GRBS*. 2010. Vol. 50. P. 295–308.
67. White H. Notes on Palladas // *Myrtia*. 1998. Vol. 13. P. 225–230.
68. Zerwes W. Palladas von Alexandrien. Tübingen, 1956.

Ссылки на электронные ресурсы:

69. Ast R., *BMCR*: <http://bmc.brynmawr.edu/2014/2014-02-23.html>.
70. Floridi L., *CJ-Online*: <https://cj.camws.org/sites/default/files/reviews/2014.04.07%20Floridi%20on%20Wilkinson.pdf>
71. Guichard L. A. From School to Desacralization, or How Palladas Read Homer / Durbec Y., Pralon D., Trajber F. (eds.) *Traditions épiques et poésie épigrammatique: présence des épopées archaïques dans les épigrammes grecques et latines (Hellenistica Groningana 22)*. Louvain—Paris—Walpole MA, in press.
URL : https://www.academia.edu/3851396/From_School_to_desacralization_or_how_Palladas_read_Homer_en_Y._Durbec_ed_Traditions_épiques_et_poésie_épigrammatique_Présence_des_épopées_archaïques_dans_les_épigrammes_grecques_et_latines_Louvain-Paris-Walpole_MA_Peeters_Hellenistica_Groningana
72. Guichard L. A. Homer in the Greek Epigram of the 1st to 4th Centuries // Manolea Chr.-P. et al. (eds.) *Brill's companion to the Reception of Homer from Hellenistic age to Late Antiquity*, forthcoming. URL: https://www.academia.edu/7305911/Luis_Arturo_Guichard_Homer_in_the_Greek_Epigram_of_the_1st_to_4th_Centuries_in_Chr.-P._et_al._eds._Brill_s_companion_to_the_Reception_of_Homer_from_Hellenistic_age_to_Late_Antiquity_forthcoming

P. Manolea et al. Eds. Brills companion to the Reception of Homer from Hellenistic age to Late Antiquity forthcoming

Список сокращений:

FCG = *Meineke A.* Fragmenta Comicorum Graecorum. Berolini, 1847.

LfgE = Lexikon des frühgriechischen Epos / im Auftr. der Akademie der Wissenschaften in Göttingen vorbereitet und hrsg. vom Thesaurus Linguae Graecae. Begr. von Bruno Snell. Göttingen, 1979–2010.

LGPN = Fraser P. M., Matthews E. The Lexicon of Greek Personal Names. Oxford, 1979–.

PLRE I = Jones A. M. etc. The Prosopography of the Late Roman Empire. Vol. 1. Cambridge, 1971.

PLRE II = Martindale J. R. The Prosopography of the Late Roman Empire. Vol. 2. Cambridge, 1980.

NP = Cancik H., Schneider H. (eds.) Brill's New Pauly. Encyclopaedia of the Ancient World. Vol. 1–22. Leiden, 2002–2011